

Игорь Родинков
Переписка баламутов

Игорь Аркадьевич Родинков

Переписка баламутов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69244984

SelfPub; 2023

Аннотация

Как часто бывает, что, прочитав какое-то произведение, вдохновляешься им и хочешь написать что-то подобное. Так, прочитав произведение британского писателя ирландского происхождения Клайва Стейплза Льюиса (1898-1963) «Письма Баламута», написанного в жанре христианской апологетики, я решился на нечто подобное. Но мне показалось, что логичнее односторонние наставления в области уловления человеческих душ маститого в бесовской иерархии дяди своему неискушенному племяннику сделать в форме переписки. Даная переписка не окончена. Здесь опубликовано только шестнадцать переписок. Продолжении несомненно последует. Причем автор сам не знает, какие темы будут затронуты, поэтому хочет, чтобы читатели в своих отзывах подсказали ему, какие вопросы наиболее актуальны.

Содержание

Вступление	5
Первое письмо дяди племяннику	7
Первое письмо племянника дяди	9
Второе письмо дяди племяннику	11
Второе письмо племянника дяди	13
Третье письмо дяди племяннику	15
Третье письмо племянника дяди	18
Четвертое письмо дяди племяннику	20
Четвертое письмо племянника дяди	24
Пятое письмо дяди племяннику	28
Пятое письмо племянника дяди	32
Шестое письмо дяди племяннику	35
Шестое письмо племянника дяди	39
Седьмое письмо племянника дяди	46
Восьмое письмо дяди племяннику	49
Восьмое письмо племянника дяди	56
Девятое письмо дяди племяннику	59
Девятое письмо племянника дяди	64
Десятое письмо дяди племяннику	69
Десятое письмо племянника дяди	74
Одиннадцатое письмо дяди племяннику	75
Одиннадцатое письмо племянника дяди	80
Двенадцатое письмо дяди племяннику	81

Двенадцатое письмо племянника дяди	85
Тринадцатое письмо дяди племяннику	88
Тринадцатое письмо племянника дяди	92
Четырнадцатое письмо дяди племяннику	96
Четырнадцатое письмо племянника дяди	101
Пятнадцатое письмо дяди племяннику	103
Пятнадцатое письмо племянника дяди	107
Шестнадцатое письмо дяди племяннику	112
Шестнадцатое письмо племянника дяди	117
Заключение	120

Игорь Родинков

Переписка баламутов

Вступление

Как часто бывает, что, прочитав какое-то произведение, вдохновляешься им и хочешь написать что-то подобное. Так, прочитав произведение британского писателя ирландского происхождения Клайва Стейплза Льюиса (1898-1963) «Письма Баламута», написанного в жанре христианской аполгетики, я решился на нечто подобное, хотя понимал деликатность и даже опасность выбранной тематики.

В своем вступлении Клайв Льюис писал: «Есть два равносильных и противоположных заблуждения относительно бесов. Одни не верят в них, другие верят и питают к ним ненужный и нездоровый интерес. Сами бесы рады обоим ошибкам и с одинаковым восторгом приветствуют и материалиста, и любителя черной магии.

Советую моим читателям помнить, что дьявол – отец лжи и не все, что говорит Баламут, следует считать правдой, даже с его собственной точки зрения...».

К сказанному К. Льюисом хочу добавить: мне показалось, что логичнее односторонние наставления в области уловления человеческих душ маститого в бесовской иерархии дяди

своему неискушенному племяннику сделать в форме переписки. Также я перенес действие из Англии времен Второй мировой войны в Россию нашего времени, хотя, как пишет Льюис, «дьявольский принцип датировки никак не связан с земным временем».

Не стоит устанавливать личности тех, кто упомянут в письмах. Цитаты из Священного Писания приводятся без ссылок. Это и естественно: ведь переписка ведется не святыми отцами. Также стоит помнить, что моя апологетика основана на общехристианской схоластике. В переписке хотя и есть некая сюжетная линия, но я не знаю, чем она закончится.

Возлюбленные! Не всякому духу верьте, но испытывайте духов,

от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире.

1 Иоанна, гл 4. ст. 1.

Изгонять дьявола, если он не поддается Писанию, лучше всего

глумясь и насмехаясь над ним, ибо он не вынесет пренебрежения.

Мартин Лютер

Первое письмо дяди племяннику

Мой дорогой племянник!

Спешу тебя уведомить, что в моем бытие произошли важные изменения. Меня отец перебрасывает на русское направление. Наши там не управляют. Я возглавлю один из тамошних легионов, а именно 71-й Восточный. Частично он будет состоять из местных бесов, частично – из резерва европейского союза. Отсюда у меня к тебе, мой дорогой Гнусик, предложение.

Я хочу включить тебя в состав моего легиона, пока только десятником, но под моим руководством ты можешь дорасти до сотника, а может быть, и до центуриона. Я мог бы этого добиться простым рапортом на имя твоего непосредственного начальника, но хочу твоего личного согласия. Ты хорошо поработал в Англии во время последней большой войны. Помню, как ты английского летчика, аристократа и большого патриота, сделал хладнокровным убийцей. В настоящее время он благополучно пребывает в доме отца нашего. Да, у тебя есть определенный «военный опыт», но подумай хорошенько. Россия не Англия, тем более не Европа, тут много наших обломали себе рога.

P. S. В конце моего письма хочу поделиться с тобой некоторыми сомнениями: с одной стороны, я воодушевлен, с другой – мне тревожно. В Европе я сильно затосковал: там по-

что не осталось у нашего брата дел, а я давно соскучился по настоящим искушениям. Но, с другой стороны, Россия – страна непредсказуемая, тем более когда там идет война. Сколько раз нам казалась, что они (русские) в наших руках, но каким-то чудом (я не люблю этого слова, но другого подобрать не могу) они выкручивались.

Твой любящий дядя, антистратиг III ранга

Баламут-старший.

Первое письмо племянника дяди

Мой дорогой дядя!

Когда получил твоё письмо, я пустился вскачь от радости. Да, да, конечно, да! Я готов под твоими штандартами хоть сейчас лететь в Россию и бороться с этими ненавистными всему прогрессивному человечеству «русскими» до полного уничтожения их мира, да и их самих. О, как я ненавижу этот русский мир с его косностью, упрямством, верой в нашего Врага. Как я ненавижу их культуру, этих Пушкиных, Достоевских, Чайковских, Менделеевых и прочих, прочих, прочих. Даже природу русскую ненавижу за её красоту, широту, а главное – неорганизованность. Конечно, среди русских есть наши люди, кое-кого с большой теплотой и, я бы даже сказал, огоньком наш отец принял в пакибытие. Да и сейчас в России много наших людей, они настоящие друзья и союзники. Дорогой мой дядя, я хорошо знаю историю России и историю Церкви нашего Врага в этой стране. Ты знаешь, что я прошел курсы по Ruslandvedenia и имею диплом кандидата русских наук. Современной Россией я тоже живо интересуюсь: постоянно проникал в русский отдел Британской библиотеки, даже в MI-6 читал секретные доклады по России.

Одним словом, я готов закатать в асфальт весь этот «русский мир» с его историей, современностью, культурой, верой

в Него, чтобы и духу русского не осталось, чтобы эта земля производила только детей отца нашего, а не Его сынов. Правда, мне не будет хватать наших толерантных, «добрых» европейских обывателей, особенно с голубоватым оттенком. Но ничего, ради дела отца нашего потерплю.

P. S. Да, совсем забыл. А что же мне делать с моим нынешним подопечным, кому его отдать под присмотр?

С приветом, твой любящий племянник

Баламут-младший, он же Гнусик.

Второе письмо дяди племяннику

Мой дорогой племянник Гнусик!

Насчет твоего последнего вопроса не беспокойся. Твой клиент, конечно, благодаря твоим стараниям вполне созрел для дома отца нашего. К нему скоро придет дух смерти, его зовет Хирург, – и твой подопечный умрет. Ты молодчина. Будешь присутствовать при его агонии и собственноручно с Хирургом сопроводишь его в дом отца нашего. Там отдохнешь несколько дней и получишь награду за заслуги.

Но это не главное. Мне, кажется, что ты, «кандидатик русских наук», несколько заблуждаешься насчет России. Здесь надо разобраться, виновата в этом твоя недоученность или некомпетентность твоих учителей, если не похуже.

Уничтожение России будет для нас полной катастрофой. Россия – это срединная страна, именно здесь идет главная война с Врагом. Если мы уничтожим Россию, то исчезнет наша борьба. А только в борьбе с Врагом смысл нашего бытия. «Цель – ничто, движение – все», – сказал один из наших клиентов. Не уничтожение России, а расчленение и реформатирование ее частей на Западный лад – наша главная задача. Впрочем, это тонкая материя, здесь все постигается на практике, а не в учебных лабораториях...

Дорогой Гнусик! Мне пришлось прервать письмо к тебе, так как появились неотложные дела. Прошлое согласовы-

вать с низшими силами мою миссию в России. Я не могу об этом писать, поскольку это секретная информация. Скажу только, что моему легиону поручено курировать один из регионов России. Но сейчас не об этом.

Ты знаешь, как важна личная практика. Мое желание взять под опеку кого-то из чинов церковной иерархии отклонено непосредственным начальством под предлогом того, что есть враги поважнее. Среди простых пресвитеров есть много верных нашему Врагу людей. Вот к одному из таких меня и приставили. Местный бес не справляется, видите ли. Немного обидно, конечно, но подлое дело отца нашего важнее личных амбиций.

Теперь о тебе. Как только развяжешься со своим бывшим клиентом, прилетай на площадку Vi-S-71. Там тебя встретит центурион по кличке Легавый. Это опытный бес. От него ты получишь новое задание. Во всем подчиняйся ему, но помни: он, как и все центурионы, агент тайной полиции.

Твой любящий дядя, антистратиг III ранга

Баламут-старший.

Второе письмо племянника дяди

В первых строках моего письма спешу тебя заверить, мой дорогой дядя, что я с Хирургом благополучно доставил моего последнего клиента после положенных мытарств, которые людям кажутся целой вечностью, а для нас – одно мгновение, в дом отца нашего.

Меня в очередной раз порадовала надпись на воротах ада: «Оставь надежду, всяк сюда входящий!» Мой клиент трепетал, как осиновый листок: он ведь думал, что если иногда ходил на службы в молитвенный дом и соблюдал какие-то церковные обряды, то получит за это награду на Небесах, а нет, мы переспорили его покровителей с другой стороны на первом суде, и даже двери чистилища пред ним закрылись.

И вот пред нами река Забвения и ладья кормщика Харона. Он встретил несколько сот грешников словами: «Приветствую вас, идущих в ад! Здесь места нет сомненьям никаким. Здесь навсегда проститесь с небесами; везу повергнуть вас на том краю в тьму вечную, и жар, и в хлад со льдами». О, дядя, какие суровые слова, и как они утешают наши темные души, как оправдываются дела наши на этой холодной земной суше!

А дальше все было обыденно. Харон получил плату на доставку груза и греховные грамоты на каждого клиента. Он повез каждого на свое место в аду; как говориться у людей,

«что посеешь, то и пожнешь». Хирург отправился за очередным грешником, а я получил отпуск на две недели в Дите – город сознательной жестокости, где действуют только наши понятия. Это наш преисподний курорт 3-го класса...

P. S. Мой дорогой дядя, время пролетело в городе Дите незаметно и замечательно. Спешу уведомить тебя, что я, отдохнув душой и бесплотным телом, готов к новым подвигам во имя отца нашего. Сегодня же вылетаю в Россию на площадку Vi-S-71.

С приветом, твой любящий племянник

Баламут-младший, он же Гнусик.

Третье письмо дяди племяннику

Мой дорогой племянник Гнусик!

Пока ты «блаженствовал» в аду, я трудился, теряя остатки своей седой шерсти. Но прежде чем рассказать о моей нынешней деятельности, я хотел бы дать тебе несколько наставлений.

Ты знаешь, Гнусик, что мы – такие же ангелы, с той же бессмертной и бесплотной природой, но только испорченной. Мы, следуя за своим отцом, которого люди называют сатаной, или «противником», злоупотребили свободной волей и стали врагами Богу, которого мы теперь называем Врагом. А также мы – противники людей, которые называют нас бесами. Бес противоположен ангелу лишь в том смысле, в каком плохой человек противоположен хорошему человеку, а Сатана, наш вождь и отец, противоположен не Богу, а архистратигу Михаилу.

Для нас лучше всего, чтобы люди не верили ни в Бога, ни в ангелов, ни в бесов. Но такое бывает редко. Лучше пусть заблуждаются относительно нас. Есть два равносильных и противоположных заблуждения. Одни не верят в нас, другие верят в нас и питают к нам интерес. Мы должны с одинаковым восторгом приветствовать и материалистов, и любителей черной магии, поскольку те и другие – наши клиенты.

Ну, а теперь о моих делах. Об успехах и неудачах моего

легиона я не могу тебе писать, ты сам знаешь, почему. А вот кое-что о моем клиенте напишу.

Как я уже сообщал, мне поручено совратить с пути истины одного пресвитера из церкви Врага, которая здесь называется Русской Православной Церковью. Как я сразу убедился, дело непростое, недаром его прежний искуситель, не обладавший достаточным опытом, потерпел фиаско (за это он будет наказан). Он тратил с его юных лет усилия на внушение истинности материализма, полагая, что само их воспитание (тогда оно называлось советским) даст результаты. В этом была его ошибка. Ангел света не отошел от него, и из него получился хотя и полуатеист, но совестливый и добродетельный человек. И когда у них пала прежняя государственная система и был открыт доступ к книгам Врага, само собой, пал весь его материализм и атеизм. Он принял печать Врага, здесь его называют «таинством крещения», а потом стал прислуживать в Его церкви. И вот результат: он стал пресвитером, как у них говорят, принял «таинство священства» и теперь на этом пути приносит много вреда делу отца нашего.

Я постараюсь применить к нему вторую стадию искушения. Сложность заключается в том, что бой придется вести на территории Врага, а Он ведь тоже умеет убеждать. Кроме того, я выяснил, что его дед и родственники были священниками и многие пострадали за дело Врага нашего в годы нашего прямого торжества над Россией. Их сейчас на-

зывают здесь новомучениками. О! какое ненавистное слово! Слава отцу нашему, что его нет в новом изобретении, способном быстро и активно влиять на мысли и дела людей (я говорю об интернете). Он почти под нашим контролем.

Я хочу предупредить тебя, мой дорогой Гнусик: прежде чем начинать работать с новым клиентом, хорошо изучи его родословную, это очень важно для нашего успеха.

Твой любящий дядя, антистратиг III ранга

Баламут-старший

Третье письмо племянника дяди

Мой дорогой дядя!

Вот я и в России. Полон сил и энергии для борьбы за дело отца нашего в этой отсталой и мерзкой стране. Меня встретили центурион Легавый и сотник Волчье ухо. Я сразу почувствовал, что это сильные и опытные бесы. Легавый сказал мне, что обычно «новобранцев» встречают сотники, но для меня, благодаря тебе, он сделал исключение. Меня торжественно посвятили в десятники так называемой «волчьей сотни», 2-й когорты, 71-го Восточного легиона. Центурион Легавый сказал, что это великая честь служить в его когорте, и если я не оправдаю надежд, то меня не спасешь от утилизации даже ты, мой любезный дядя.

Сотник Волчье ухо представал мне моих подчиненных – это десять мелких бесов, которые курируют несколько подопечных. Моя задача – следить за их работой и докладывать сотнику об их деятельности.

В мои обязанности входит также взять на себя одного подшефного. Выбора у меня не было. Мне передали дело одного клиента. Он проходит под кличкой Пожарник. Мой предшественник упустил его «воспитание» на определенном этапе, и он попал в стан нашего Врага, за что «воспитателя» сняли с десятников и утилизировали.

Я кратко посмотрел его дело: биографию, страсти, связи.

На первый взгляд, смертные грехи развиты в нем слабо, кроме двух: чревоугодия и сребролюбия. Вот с них я и начну перевоспитание моего нового подшефного.

P. S. Мой дорогой дядя, я, честно говоря, опасаясь моих непосредственных начальников – сотника Волчье ухо и центуриона Легавого. Ты не мог бы, в порядке исключения, рассказать кое-что про них. Также меня интересуют твои успехи с твоим подопечным пресвитером.

С приветом, твой любящий племянник

Баламут-младший, он же Гнусик

Четвертое письмо дяди племяннику

Дорогой Гнусик!

Вот и ты стал причастным к великому походу Закатных стран на Третий Рим. Это решительное и, возможно, последнее наступление отца нашего на стан Врага. Тебе может показаться, что мы (наш легион) не на передовом фронте борьбы. Но внутренний фронт не менее важен, а может, даже более. Наш легион курирует определенную территорию Врага. И наша задача – хорошо прокультивировать почву, т. е. создать как можно больше наших адептов, или, как говорят среди людей, «пятую колонну». Только совместный удар внешнего и внутреннего фронтов обеспечит нам полную победу.

Ты спрашиваешь меня о своих командирах. Это опытные бесы. Волчье ухо в России со времен монголо-татарского ига, он давно бы стал центурионом, но страсть к летальным исходам клиентов без их должной греховной подготовки вызывает недовольство нашего начальства. Легавого перебросили в Россию в Смутное время, тогда он был десятником. Будь осторожней, при случае они не пожалеют тебя.

Теперь мой дорогой племянник, хочу рассказать тебе о моем подопечном. Он оказался даже более крепким ореш-

ком, чем я думал. В этом меня убедил один случай.

Десятник по кличке Подлиза курирует одну богатую даму, которая жертвует большие суммы на храмы. Ему удалось внушить ей некоторые сомнения насчет загробной жизни. С этими сомнениями она пошла на беседу к моему подопечному. Подлиза попросил у меня совета в деле ее искушения. Ты ведь знаешь, Гнусик, когда два и более человек ведут беседу на духовные темы, все бесы и ангелы тоже участвуют.

Вот мы и подслушали их разговор.

– Отец Вячеслав, – так начала наша дама. – Я страдаю... неверием...

– Что, в Бога не веруете?

– О нет, нет, я не смею даже подумать о неверии в Бога, но будущая жизнь – это такая загадка! И никто-то, ведь никто не знает разгадки! Я не из легкомыслия теперь говорю, что представление это о будущей загробной жизни до ужаса и страдания волнует меня. И я не знала, к кому обратиться. Мне посоветовали побеседовать с вами – и вот я здесь.

– Ну, если вас волнует мое мнение, – ответил мой подопечный, – я вполне верую в искренность вашей тоски...

Но тут наша дама, вполне многословная и сама любящая давать советы, не позволила договорить отцу Вячеславу и ударились в новые рассуждения.

– О, как я вам благодарна! Видите, я закрываю глаза и думаю: если все веруют, то откуда взялось *это*? А тут уверяют, что *всё это* взялось сначала от страха пред грозными явле-

ниями природы. Ну что, думаю, я всю жизнь верила – умру, и вдруг ничего нет, совершенный нуль, и только «вырастет лопух на могиле», как прочитала я у одного писателя. Это ужасно! Чем, чем возратить веру? Как доказать бытие Бога и бессмертную жизнь? Я теперь пришла повергнуться пред вами и просить об этом. Ведь если я упущу и теперешний случай, то мне во всю жизнь никто уж не ответит. Чем же доказать, как убедиться? О, мне несчастье! Это убийственно, убийственно!

Я думал, что пресвитер, как обычно говорят священники, скажет: «Ну, разве сама жизнь: ее гармония, установленный порядок, целесообразность – не является доказательством бытия Божия?» – или скажет: «Читайте Евангелие, творения святых отцов» – и так далее, все в этом роде, «там все говорит о Боге и бессмертии». Но хитрый поп сказал иначе.

– Без сомнения, убийственно. Но доказать тут нельзя ничего, убедиться же возможно.

– Как? Чем? – в недоумении воскликнула дама.

– Опытом деятельной любви. Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдете до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уже, несомненно, уверуете, и никакое сомнение не войдет в вашу душу. Это испытано, это точно...

Да, ты знаешь, мой дорогой племянник, это уже претензия

на старчество. Вот кого особенно ненавидит отец наш, так это старцев и вообще явление старчества. Это самая крепкая цитадель в стане Врага. Но у и нашего отца есть много хитрости против козней нашего Врага. Например, он явил такое явление, как младостарчество. Люди ловятся на него, как бабочки на огонь. Я тебе напишу как-нибудь об одном таком местном «старчике».

А Подлизе я сказал: «Лови свою даму на двух ее слабостях: болтливости и жадности. Давать деньги взамен чего-то – это одно, а бескорыстно, «по любви к ближнему», – это другое».

Тебе же, мой любезный племянник, желаю успехов на новом поприще. Ты правильно решил, что наших клиентов надо ловить на их слабостях. Ты попеременно води своего между чревоугодием и сребролюбием, верой и неверием.

Твой любящий дядя, антистратиг III ранга

Баламут-старший

Четвертое письмо племянника дяди

Мой дорогой дядя!

В первых строках моего письма спешу тебя уведомить о делах подчиненных мне мелких бесов, или кнехтов, как их называют опытные легионеры. Намедни я познакомился с одним из них, его зовут Психиатр. Он курирует двух клиентов со схожим диагнозом. Если среди духовенства есть «болезнь» – младостарчество, то среди мирян – апостольничество. Один из них проходит по кличке Австриец, второй – Фотограф. У обоих мания аскетизма и страстное желание поучать в вере во Врага других. Оба были в молодости инженерами и материалистами, семей не создали, а потом «уверовали». Но по порядку.

В годы так называемой перестройки Австриец увлекся различными религиозными и философскими системами, а потом вдруг осознал себя православным, прочитав в книге нашего Врага такие слова: *«Идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се...»*. Он и стал тем самым «и се». Другими словами, он решил стать новым апостолом и вторично крестить Русь. Психиатр понял, что все это произошло на почве размягчения его и без того мягкого ума, и

внушил ему пойти к местному старому священнику просить благословения «нести слово Божие в народ». На что старый батюшка сказал ему, что еще рановато, сам, мол, еще про-светись маленько. На что клиент Психиатр возмутился внут-ри себя: «Я хочу помочь Православной церкви, а мне связы-вают руки!..»

На его беду или счастье, этого я уже не знаю, рядом с пра-вославным храмом была община старообрядцев так называ-емого Белокреницкого толка, которых еще царская полиция называла «австрийцами». «Сам черт не разберет, кто из них есть кто и чем они отличаются друг от друга», – подумал то-гда Психиатр, но внушил ему, что именно через старообряд-цев он станет настоящим апостолом, и дал ему кличку Ав-стриец. С тех пор он креститься двумя перстами, ходит в ру-бище, с палочкой, «проповедует», что хочет, и везде, где хо-чет. Одного ему не хватает – чтобы посетить дом отца наше-го. Злобы на людей у него нет, лишь досада. Но время терпит.

Второй пациент Психиатра окончил политехнический ин-ститут, работал на престижном предприятии, увлекался по-ходами на выносливость и фотографией, за что и получил кличку Фотограф. В 90-е годы он уверовал в нашего Врага и начал посещать его храмы. И вот что стало опасным: его ве-ра приобрела практический характер. Он в одиночку ездил по городам и весям нашей подшефной территории и фото-графировал старые, преимущественно разрушенные храмы. Он охватил их почти все и составил обширный альбом так

называемых «домов Божиих», за что имел благодарность от людей и ангелов. Психиатр долгое время не мог подобрать к нему ключик, но обратил внимание на склонность его к аскетизму, молчаливость и замкнутость. Все бы хорошо, но была в нем тоненькая ниточка гневливости, вот ее и начал развивать Психиатр.

Он внушил своему подопечному, что тот мало делает для спасения своей души. Надо оставить все мирское и полностью посвятить свою жизнь нашему Врагу. После этого тот оставил работу, решив, что Он пропитает, оставил увлечение фотографией, оборвал все связи с внешним миром, стал регулярно посещать собрания в храмах (люди, почему то называют их богослужениями), поститься и молиться. И вот, выждав нужный момент, Психиатр внушил ему еще одну мысль: надо любить ближнего, учить людей «благочестию», но и быть при этом строгим к ним. И Фотограф поднял такую тяжесть, от которой надорвался. С ним произошел такой случай.

Однажды он стал строго поучать одного человека. Нужно, говорил он ему, жить не так, как ты сам хочешь, а так, как сказано в Божьем слове. Богу покоряйся, и он даст тебе все, что попросишь у него. А тот посмотрел на его затрапезный вид да и сказал: «Вот ты и попроси у Бога новую одежду, а то ходишь весь в дырках и рваный». Рассердился тут наш Фотограф и отошел, ругаясь. А до того говорил, что надо прощать людей и любить их.

После этого гневливость начала развиваться у нашего дорогого Фотографа в гордыню. Он усилил аскетизм и стал говорить, что «мир во грехе погряз, не осталось больше христовой веры на земле», а его миссия на Земле закончилась и он в этом году умрет. Вот уже пять лет так говорит.

Ну, что-то я увлекся подопечными моих подчиненных, а о своем забыл. Мой Пожарник в свое время много потрудился на восстановлении храмов и монастырей, а вот сейчас, выйдя на пенсию, вообще ушел алтарничать в один из храмов. Стал такой постник и молитвенник, что просто дрожь в коленках, и постоянно повторяет: «Род сей изгоняется постом и молитвой». Это он про нас так! Ха, ха, ха! Я-то знаю, что он при моем усилии будет наш. Вот только не научился бы умной молитве. Мой дорогой дядя, ты не мог бы мне дать несколько советов, как отвращать людей от молитвы?

С приветом, твой любящий племянник

Баламут-младший, он же Гнусик

Пятое письмо дяди племяннику

Мой дорогой Гнусик!

Твой дилетантский вопрос о молитве напомнил мне, что ты еще далек от совершенства. Я не в восторге от твоей преждевременной радости по поводу добычи; так не пишут племянники своему дяде, а младшие искусители – помощнику министра. К тому же я замечаю, что ты хочешь свалить с себя ответственность. Или ты начитался их книг, где пишут, что «молитва – это разговор человека с Богом» (да прости мне отец это слово), и на этом останавливаются. Учись, дорогой мой, расплачиваться за ошибки.

Конечно, лучше всего вообще удержаться подопечных от молитв. Но коль человек встал на молитву дома, или в их молитвенном доме, или еще где, наша задача – превратить ее в абсурд. В действительности для начинающего это означает, что он станет вызывать в себе смутное «благоговейное настроение», при котором, конечно, не сосредоточены ни воля, ни разум. Один из моих старых подопечных учил других, да и сам это делал, что молиться надо «не плетеньем привычных слов и не преклоненьем колен», но просто «утихая духом в любви» и «погружаясь духом в мольбу». Это нам и нужно. Тогда молитва превращается в медитацию, а здесь мы ближе к их душе, чем слуги стана нашего Врага.

Наконец, их можно убедить, что положение тела во время

молитвы совершенно не важно. Они ведь постоянно забывают то, что мы всегда должны помнить: они – животные, и тела влияют у них на душу. Если это не удастся, испробуй более тонкий способ. Всякий раз, когда его намерения обращаются к самому Врагу, мы вынуждены отступить. Но есть способ помешать им. Самое простое – переключить их внимание с Врага на самого себя или на окружающих его людей. Некоторые считают, что нам труднее всего помешать их молитве в храме, потому что мы, якобы, не посмеем вслед за людьми войти в «дом Божий». Можем, еще как можем, только совсем мелкие бесы бояться этого закрытого помещения. Ты, наверное, помнишь, как один московский юродивый сказал своему грозному царю: «Ты, царь, телом был в соборе, а душою своей в загородном дворце»?

Для нас опаснее, когда человек молится в одиночестве. Сам Враг учит: *«Когда молишься, затвори за собой двери»*. Но и здесь есть ключики: пусть сосредоточится на собственном сознании или попытается вызвать в себе чувства волевыми усилиями. Когда захочется воззвать к Его милосердию, пусть он вместо этого начнет возбуждать в себе жалость к самому себе, не замечая, что делает. Когда он захочет молиться об укреплении мужества, пусть почувствует себя храбрым. Когда молится о прощении, пусть почувствует, что прощен. Научи его оценивать каждую молитву по тому, возбудила она в нем чувственность или нет. И пусть он никогда не задумывается, удачной или неудачной была молитва.

Надо внушать людям, что, чем больше слов, тем лучше молитва, пусть они сотрясают воздух часами и думают, что молитва их дошла до ушей Врага. На самом деле она поднимется не выше крыши.

Мой дорогой Гнусик, бойся молитвы искренней, исходящей от души и разума, пусть даже своими словами, особенно молитвы жертвенной. Если человек молится за кого-то и при этом согласен жертвовать чем-то дорогим для себя (здоровьем, деньгами, разлукой с любимым человеком, наконец, своей судьбой), такие молитвы всегда достигают цели.

Напоследок самое главное. Разумеется, Враг не всегда будет бездействовать – там, где молитва, есть опасность, что Он вмешается. Он до неприличия равнодушен к собственному достоинству и к достоинству нашей части духов бесплотных. Но этим животным, преклоняющим колени, Он дарует самопознание совершенно возмутительным образом. Однако и у нас есть одно преимущество, которое не дано людям: им не дано воспринимать Его прямо (чего мы, к сожалению, не можем избежать). Они никогда не испытывали той ужасающей ясности, того палящего блеска, из-за которого все наше существование – непрерывная мука. Если ты заглянешь в душу своего пациента, когда он молится, то не найдешь там этой ясности. Там будут образы, ведущие свой род от изображений Врага в позорный период Его вочеловечения. Там будут смутные, а то и совсем непонятные образы, связанные с двумя другими лицами Врага.

Я знаю случаи, когда наши подшефные называл «богом» то, что помещалось в левом углу потолка, или в его собственной голове, или на распятии. Но какова бы ни была природа сложного представления о Враге, главное – следи за тем, чтобы подопечный молился именно своему представлению, идолу, которого он сам себе сотворил, а не Тому, Кто сотворил его.

P. S. Неотложные дела вынуждают меня закончить столь длинное письмо. Помни: то, что я тебе написал, непонятно не только большинству людей, но и многим нашим бесам. Храни тебя твой рок. Пиши о своих успехах, но и неудачи не скрывай.

Твой любящий дядя, антистратиг III ранга

Баламут-старший

Пятое письмо племянника дяди

С пламенным приветом к тебе, мой дорогой дядюшка!

Ты обвиняешь меня в несовершенстве и дилетантизме. Возможно, что я еще не достиг таких высот искушения, как ты, дорогой мой дядюшка! Но согласись, что не я отпустил своего подшефного в стан Врага, а мой предшественник. Есть, конечно, проблемы, но, думаю, они временные. А у кого их нет. Я смотрю, у тебя тоже не особенно получается с этим пресвитером, мой дорогой дядюшка, хотя категории трудности у нас совершенно разные.

Теперь о деле. Недавно заслушал доклад моего второго подчиненного беса. Его почему-то зовут Саморезик. Он большой философ, болтун и не любит писать отчеты. В деле его подопечного, по кличке Приживальщик, всего несколько слов: «Внешне религиозен, физически здоров, умственно недоразвит, любит женщин и вино, ловиться на приспособленчестве...». Вообще этот Саморезик – интересный дух. Он сетует, что клиент нынче пошел какой-то мелкий, вот раньше, мол, были личности. Можно подумать, что сам... Все свое бытие он специализировался на босяках и лакеях. По его словам, в XIX веке у него было громкое дело с одним клиентом по кличке Смердящий. Про него один из тамошних писателей даже создал роман: не про Саморезика, а про его клиента! Это я так шучу, дядя. Хотя и персонажи

из нашего пакибытия у этого писателя встречаются.

Он мне все уши прожужжал про это дело. Этот Смердящий темного происхождения – был поваром у одного барина. В детстве ему нравилось живодерство. Его любимым занятием было вешать кошек и хоронить их с церемонией. А когда вошел в сознательный возраст, впал в задумчивость, стал созерцателем. Вот в его созерцательный ум Саморезик и вбил идею: «Бога нет, а значит, все дозволенно». И что же? Этот Смердящий убил своего барина, ограбил его, а потом взял и повесился перед образом Врага, показав Ему при этом фигу. Эта фигу и все остальное прочее привело клиента Саморезика в третий пояс седьмого круга ада, где «гад с хвостом остроконечным... и страшный образ гнусного обмана...». Этим делом Саморезик гордится больше всего.

Теперь о моем личном подопечном. Я изучил родословную Пожарника. Его родители давно умерли. Они были, как в свое время говорили в этой стране, из рабоче-крестьянской интеллигенции. Была жена, но сплыла, остались дочь и сестра. Интересный факт: его дед по отцовской линии был из босяков, трудился разнорабочим, но нигде долго не задерживался. Был мастером на все руки, работал до самозабвения с утра до вечера, а потом с таким же самозабвением все пропивал. Пил запоями, отчего потерял семью и впал в тоску. После очередного запоя повесился. Такая же судьба постигла его дядю. Мой же подопечный сделал себе хорошую карьеру в МВД и теперь сидит на хорошей пенсии. Как я уже

писал тебе, мой дорогой дядя, у него две страсти: сребролюбие и чревоугодие. Сейчас он подсел на накопительство. По отчетам моего предшественника, он любит посты, главным образом, за то, что можно хорошо сэкономить на еде.

P. S. Сейчас у них начались так называемые «Приготовительные недели к Великому посту». Идет неделя о мытаре и фарисее. Вот я не пойму, дядя, почему мытарь вышел из храма более оправданным, чем фарисей. Ведь мытарь опять вернется к своим занятиям, а фарисей так же будет поститься, давать десятину на храм. Мне глубоко наплевать на обоих, но где справедливость? Что же это получается: достаточно сказать: «Боже! Будь милостив ко мне, грешнику!» – и все, ты уже оправдан! Как говорил классик, «нет правды на земле, но правды нет и выше»!

С приветом, твой любящий племянник

Баламут-младший, он же Гнусик

Шестое письмо дяди племяннику

Мой дорогой Гнусик!

Я чувствую, что твои письма надо разбирать буквально подетально. Во-первых, у тебя чрезмерно развито чувство самооправдания и обиды. Мы не должны перенимать недостатки людей. Мы должны быть самокритичными и не допускать никакой критики со стороны. В этом успех нашего дела. Во-вторых, я понимаю, что если орудие нашего Врага – правда, то наше орудие – ложь. Недаром Враг говорил про нашего отца: *«Когда говорит он ложь, говорит своё, ибо он – лжец и отец лжи»*. Это так. Но среди своих мы должны быть честными, хотя я понимаю, что для беса приврать – это любимое дело...

Какого такого Смердящего твой Саморезик отправил в дом отца нашего и кто этот тамошний писатель? Твой Саморезик – хвостун, он, видно, начитался Достоевского и Данте. Уж если, мой дорогой племянник, ты теперь работаешь в России, будь любезен знать наших оппонентов (помню, как ты мне писал, что ненавидишь Достоевского, что начитался газеты «Таймс»). Да, Достоевский своими романами много нам навредил, раскрыв наши секреты и планы. Он даже посвятил нам целый роман, называется «Бесы». Что, не читал?

Ради тебя цитирую диалог его героев, наших братьев во плоти, – Петра Верховенского и Николая Ставрогина. Запо-

минай:

– Слушайте, мы сначала пустим смуту, – торопился ужасно Верховенский, поминутно схватывая Ставрогина за левый рукав. – Я уже вам говорил: мы проникнем в самый народ. Знаете ли, что мы уж и теперь ужасно сильны? Наши не те только, которые режут и жгут да делают классические выстрелы или кусаются. Такие только мешают. Я без дисциплины ничего не понимаю. Я ведь мошенник, а не социалист, ха-ха! Слушайте, я их всех сосчитал: учитель, смеющийся с детьми над их Богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши. Присяжные, оправдывающие преступников сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы о, наших много, ужасно много, и сами того не знают!.. О, дайте возрасти поколению! Жаль только, что некогда ждать... Ах, как жаль, что нет пролетариев! Но будут, будут, к этому идет...

– Ну, Верховенский, я в первый раз слушаю вас, и слушаю с изумлением, – промолвил Николай Всеволодович, – вы, стало быть, и впрямь не социалист, а какой-нибудь политический... честолюбец?

– Мошенник, мошенник... Но надо, чтоб и народ уверовал, что мы знаем, чего хотим... Мы провозгласим разруше-

ние... почему, почему, опять-таки, эта идейка так обаятельна! Но надо, надо косточки поразмять. Мы пустим пожары... Мы пустим легенды... Ну-с, и начнется смута! Раскачка такая пойдет, какой еще мир не видал... Затуманится Русь, заплачет земля по старым богам... Ну-с, тут-то мы и пустим... Кого?

– Кого?

– Ивана-Царевича.

– Кого-о?

– Ивана-Царевича; вас, вас!

Ставрогин подумал с минуту.

– Самозванца? – вдруг спросил он, в глубоком удивлении смотря на иступленного. – Э! так вот наконец ваш план.

– Мы скажем, что он «скрывается»... Но он явится, явится... Он есть, но никто не видал его. О, какую легенду можно пустить! А главное – новая сила идет. А ее-то и надо, по ней-то и плачут. Ну что в социализме: старые силы разрушил, а новых не внес. А тут сила, да еще какая, неслыханная! Нам ведь только на раз рычаг, чтобы землю поднять. Всё подыдется!..»

Вот так, мой дорогой Гнусик. Что-нибудь понял? Увидел звезду? У меня же дух захватывает от планов отца нашего. Однако вернемся на грешную землю, к рутинной работе.

О твоём подопечном. У него вполне подходящая родословная для дел отца нашего. Пусть постится, пусть экономит на еде. Главное, чтобы он постился, как тот фарисей:

себя хвалил, а других осуждал. Да, конечно, нам выгодней, чтобы люди рассуждали, как ты, но на территории Врага трудно внушить людям мысль, что фарисей ближе к Нему, чем мытарь. На самом деле фарисеи наши, именно они помогли нам справиться с Врагом в период Его вочеловечения.

Но их Церковь устами их так называемых «святых отцов» учит, что «фарисей, хвалящийся своими совершенствами и осуждающий тех, кто не имеет их, уже осужден Богом, а мытарь, кающийся и со смирением исповедующий свои грехи, оправдан Богом». Кающийся грешник для нас опасней тех, кто учит добродетели без личного примера, тех, которые «связывают бремена тяжелые и неудобноносимые и возлагают на плечи людям, а сами не хотят и перстом двинуть их».

Да простит мне отец наш, что я цитирую книги Врага, но все это для твоего вразумления, Гнусик. Мы должны знать мысли наших оппонентов. И поверь мне, я их знаю гораздо лучше самых продвинутых церковников. Знание – это наша сила, а вот в чем мы их не можем превозмочь – это в смирении.

На сем позволь откланяться (фу ты, черт, так увлекся, что перешел к терминологии Врага), меня ждут неотложные дела.

Твой любящий дядя, антистратиг III ранга

Баламут-старший

Шестое письмо племянника дяди

Мой дорогого дядя!

Ты прав: я еще не научился справляться со своими чувствами. Но мне немного обидно, что ты держишь меня за дилетанта. Конечно, у меня нет практики в России, но в Англии я живо интересовался русской историей и культурой и кое-что знаю о Достоевском. У меня тоже было ощущение, что этот самый Саморезик приврал насчет «дела Смердящего». Работа с нашим архивом могла бы пролить свет на это дело, но ты ведь знаешь, что для бесов моего ранга нет доступа не только к Центральному, но даже к территориальным архивам. Вот если бы ты...

Но вот что мне удалось узнать об этом деле на моем уровне. Оказывается, тот самый Подлиза, что сейчас курирует богатую маловерную даму с длинным языком, во второй половине XIX века опекал одно состоятельное семейство в соседней провинции (он вообще специализируется по богатым клиентам). Так вот, его подопечный – глава семейства (он проходил под кличкой Сладострастник) – был на самом деле убит своим слугой и ограблен, но из-за судебной ошибки на каторгу угодил его старший сын.

Я не поленился, заглянул в человеческий архив соседней провинции и обнаружил там одно уголовное дело. В архиве местного судопроизводства есть запись, что некий Дмитрий

Ильинский, отставной офицер, служил у своего шестидесятилетнего отца поверенным по финансовым делам и считался кем-то вроде блудного сына. Так вот, суд на основании косвенных улик и мотивации присудил ему десять лет каторги за умышленное убийство отца. Так у людей часто бывает: согрешит один, а отвечает другой. Но мы-то, бесы, знаем всю истинную историю. А вот кто из наших совершил настоящее убийство, об этом Подлиза не говорит, ссылаясь на «тайну личных дел падших ангелов». Ах, дядя, если бы можно было заглянуть в наши архивы..!

К сожалению, я не успел проштудировать текущие дела остальных мелких бесов. Мой же подопечный занимается накопительством и готовится к так называемому Великому посту.

Р. S. Мой дорогой дядя, меня волнует ход текущей новой войны. Вот уже скоро год, как она идет, но я не ощущаю ее интенсивности. Мне, конечно, не все равно, кто победит в этой войне, однако для меня важнее другое: сколько жертв кладется на алтарь войны, сколько человеческих страданий, крови, страха и злобы она дает! Ведь для нас, бесов, это гаввах (наша пища). Помню, что во время последней большой войны только из Европы Харон ежедневно увозил тысячи грешников в ад. А что сейчас? Какое-то бледное подражание!

С приветом, твой любящий племянник
Баламут-младший, он же Гнусик

Седьмое письмо дяди племяннику

Мой дорогой, наивный племянник Гнусик!

Начну с самого главного. Конечно, любая война требует жертв, но для всех нас небезразлично, какие это жертвы. Ты ратуешь за то, чтобы война давала много грешников (предателей, трусов, паникеров, мародеров, карателей, строящих карьеру на чужой крови и т. д.). А ты не задумывался, сколько клиентов во время войны уходят навсегда из наших лап в стан Врага (герои, мученики, невинные жертвы и т. п.)? Знаешь ли ты Его главный лозунг во время войны: *«Нет большей той любви, аще кто положит душу свою за други своя»*. Конечно, нами и ими ведется статистика праведников и грешников, порожденных войной. У нас эта информация под грифом «Секретно», а знаешь, почему? Сам догадайся.

Я понимаю, тебя вдохновляет пример с тем самым английским летчиком, которого ты курировал во время войны и после. Да, когда немцы, как хотели, бомбили Лондон, твой подопечный, отпрыск аристократического рода, пошел добровольцем в Королевские ВВС. Это было актом благородства, и твоя добыча почти выскользнула у тебя из рук. Но ты не растерялся и ждал своего часа. И вот когда немецкий люфтваффе, как и их вермахт, надорвал в России свой пуп, армады американских и английских бомбардировщиков безнаказанно бомбили Дрезден и Гамбург. Среди них был твой подопечный. Его не сбили, он не попал в плен, не полз к своим с обмороженными ногами по снегу, как тот русский

летчик, который потом летал с протезами. Ему повезло: он стал героем по-своему, он выполнял приказ. Твоя удача была в том, что он никогда не сожалел об этом, его не мучила совесть за сотни убитых его бомбами детей, женщин, стариков, напротив, он гордился этим и после войны за кружкой эля или бренди рассказывал собутыльниками о своих «подвигах». Но когда настал его час, ты предъявил ему лики невинно убиенных им детей. И вот он теперь благополучно прибывает в доме отца нашего.

А что мы порой видим сейчас, в этой, на первый взгляд, «странной» войне? Сбитые русские летчики, как и их соотечественники во время последней большой войны, направляют свои горящие самолеты на колонны неприятеля. Уголовник, пошедший воевать за амнистию, тридцать лет из своих пятидесяти проведенный в тюрьме, подрывает себя гранатой вместе с противником. В один миг из нашей добычи он превратился в того самого «благоразумного разбойника», распятого с нашим Врагом, по правую от него сторону. Вот такие плюсы и минусы дает нам война.

Должен тебе сказать: наше главное дело на войне – подрывать веру и тормозить добродетель. Пока я хочу тебя предостеречь: не возлагай слишком много надежд на войну. Конечно, она несет немало забавного. Постоянный страх и страдание людей – законная пища для наших прилежных тружеников. Но какой в этом прок, если мы не сумеем воспользоваться ситуацией и не доставим новые души нашему

отцу?

Кое в чем она сработает в нашу пользу. Можно надеяться на изрядную меру жестокости и злобы. Но, если будем бдительны, на этот раз увидим, как тысячи обратятся к Врагу, а десятки тысяч станут заниматься не собой, а теми ценностями и делами, которые они сочтут выше своих личных интересов.

Подумай также, сколь нежелательным образом люди умирают на войне. Они знают, что их могут убить, и все же идут туда, особенно если они приверженцы Врага. Для нас было бы гораздо лучше, если бы все они умирали в дорогах больниц, среди врачей, которые им лгут по нашим же внушениям, чтобы не допустить даже мысли о священнике, дабы тот не сказал больному о его истинном положении.

Некоторые из нас видят в войнах огромную возможность для атак на веру, но такой оптимизм мне кажется сильно преувеличенным. Своим земным последователям Враг ясно показал, что страдание – неотъемлемая часть того, что Он называет Искуплением. Конечно, именно в моменты ужаса, тяжелой утраты или физических страданий, когда разум человека временно парализован, ты можешь поймать его в ловушку. Но даже и в такие минуты, если человек воззовет о помощи к Врагу, он почти всегда, как я обнаружил, оказывается под защитой.

Теперь, дорогой племянник, перейдем от главного к второстепенному. Заглянуть в наши архивы – это ты хорошо

придумал, я давно хотел с ними ознакомиться. Накопилось много вопросов по работе подчиненных на моей территории. Заодно я мог бы посмотреть и «дело» твоего Саморезика.

К сожалению, на моего подопечного совсем не остается времени. Я тебе уже писал, что хочу применить к нему вторую стадию искушения. Окружил его различными эксцентричными дамами, они ходят за ним хвостом, просят благословения и все время славословят: «Батюшка, батюшка!.. Ах! Какой у нас благодатный батюшка!». А алтарника я так настропалил, что он везде ходит и поет: «Творяй! Творяй! Творяй чудеса!». Однако на него все это как-то мало воздействует. Потупит глаза и скрывается, только настоятель раздражается. Чувствую, что искушением его не возьмешь. Но есть радикальные способы: или возвысить (сделать настоятелем), или духовно опустить (отправить за штат). Думаю, как-нибудь заглянуть в гости к местному благочинному.

Р. S. Сегодня у них Неделя о блудном сыне. Вот наглядный пример, дорогой Гнусик, как бесы древнего мира упустили явную добычу. Этот блудный сын вернулся к нашему Врагу почти из предбанников ада. Запомни, нельзя доводить человека до крайней нужды! Тогда у него открываются глаза, и он попадает в сферу деятельности Врага. Надо постоянно отвлекать людей от Него различными житейскими заботами: накопить денег для важной покупки, поправить здоровье, позаботиться о детях или внуках, прочитать «полезную» светскую книгу или посмотреть полезный для нас фильм, –

да мало ли что можно придумать, чтобы захлупить дом его души чем угодно, только не молитвой и мыслью о Нем!

Твой любящий дядя, антистратиг III ранга

Баламут-старший

Седьмое письмо племянника дяди

Мой дорогой дядя, ты прав: в войне есть для нас плюсы и минусы.

Продолжаю рассказывать тебе о подчиненных мне мелких бесах. Недавно познакомился с третьим, его зовут Обжора. Он специализируется на чревоугодии. Это один из распространенных и простых способов ловли душ. Сейчас он курирует одну даму по кличке Тощая. Когда-то она любила хорошо и обильно поесть и имела изрядный вес. Но когда «уверовала» в Него, Обжоре удалось внушить ей, что самое главное в христианстве – соблюдать посты. Она стала строго соблюдать среды и пятницы, все положенные в их календаре посты и даже дошла до такой степени воздержания в еде, что стала чуть ли не вегетарианкой. Сбросила лишний вес, стала хорошо себя чувствовать, и за это особенно благодарит Его. Теперь она проповедует здоровый образ жизни через воздержание в еде, мечтает даже открыть специальное вегетарианское кафе.

Обжора мне объяснил, что она нисколько не изменила своей страсти, просто перешла от чревоугодия излишеств в чревоугодие нетерпимости. Я прочитал несколько его протоколов о ее поведении и уяснил, что эта дама в надежных руках. Для официантов и гостеприимных хозяев она – сущий ужас. Всегда отказывается от того, что ей предлагают, и

говорит с легким вздохом и полуулыбкой: «Ах, что вы, мне ничего не надо, кроме чашечки чая, не крепкого, но и не слишком жидкого, и малюсенького хрустящего сухарика... Или – ах, зачем мне столько! Уберите это и принесите примерно четверть...». Мне ясно, что ей хочется съесть меньше, и потому она никогда не воспринимает как чревоугодие свою настойчивость, сколько бы хлопот ни доставила другим. Она уверена, что упражняется в умеренности. А в действительности делает это потому, что раздражается, если видит больше еды, чем ей в данный момент хочется. Я думаю, что она очень удивилась бы (я рассчитываю, что однажды она и впрямь удивится), если бы узнала, что вся ее жизнь порабощена этой разновидностью чувственности, а скрыто это от нее потому, что ест она мало.

В самом деле, дядюшка, какое нам дело до количества и качества еды, если можно использовать человеческий желудок и вкус для развития недовольства, нетерпимости, немилосердия и эгоизма!

P.S. Дорогой дядюшка, сегодня тяжелый день, у меня весь день болит голова (люди почему-то думают, что у нас не может болеть голова). В России эти странные существа ввели какой-то «Международный день дарения книг»! А ведь сколько сил положили наши собратья, чтобы здесь, как и на цивилизованном Западе, сегодня праздновали День всех влюбленных, или так называемый день «святого» Валентина. Долгое время в России этот праздник отмечали боль-

ше половины населения, нашими помощниками в этом были бизнесмены. Проклятые церковники все время говорили людям: «Это фейк, а не праздник, такого праздника нет ни у православных, ни у католиков. На самом деле 14 февраля – день памяти святого мученика Трифона». И вот добились своего: по их статистике, только 13% населения в этой убогой стране сейчас считают День всех влюбленных праздником.

Но мы-то знаем, что этот день – поощрение блуда. К тому же его отмечают накануне их большого праздника – Сретения Господня. Но как нам опять внушить им, что это праздник? В связи с этим у меня к тебе, дядюшка, вопрос: важно ли, чтобы наши подопечные знали о нашем существовании?

С приветом, твой любящий племянник

Баламут-младший, он же Гнусик

Восьмое письмо дяди племяннику

Мой дорогой Гнусик!

Меня удивляет твой вопрос. Ты интересуешься, важно ли, чтобы подопечные знали (или не знали) о нашем существовании? Было время, когда люди могли физическим зрением видеть потусторонний мир, а также через другие органы чувств знать о существовании нас и ангелов, они могли даже беседовать с нашим Врагом и его слугами. На наше счастье, и отец наш имел такую же возможность. Но после так называемого «грехопадения» Враг сделал людей неспособными видеть и чувствовать потусторонний мир. Он как бы оградил человека невидимой завесой от нас, а попутно от ангелов и от самого Себя. *«И сделал Господь Бог Адаму и жене его одежды кожаные и одел их»*. Мы-то этих «кожаных одежд», к сожалению, не имеем, поэтому вынуждены страдать и щуриться от Его света. Правда, есть люди (колдуны, прорицатели, чародеи и т. п. и те, которые сознательно прогнали своего ангела-хранителя), способные видеть нас и общаться с нами. Но это исключение, а не правило. Большинство людей не чувствуют прямого воздействия и не знают о нашем существовании. Хорошо ли это?

Что до настоящей фазы борьбы, на этот счет была инструкция низшего командования. Наша политика и состоит в том, чтобы скрываться. Разумеется, так было далеко не все-

гда. Перед нами – мучительная дилемма. Когда люди не верят в нас, тогда не получить тех отрядных результатов, которые дает радость магии. Я хорошо помню те времена, когда целые легионы слетались полакомиться гаввахом во время жертвоприношений. С другой стороны, когда они в нас верят, мы не можем делать из них материалистов и скептиков. Во всяком случае, пока еще не можем. Надеюсь, в свое время мы научимся так разбавлять правду эмоциями и мифами, что вера в нас (под измененным названием) проберется и обоснуется в них, тогда как душа человека останется закрытой для веры во Врага.

Уже сейчас культ секса, права сексуальных меньшинств (пока еще меньшинств) могут оказаться здесь весьма полезными. Очень важно подчеркивать права личности, тогда вера в Него, защита Отечества, любовь к ближнему отходят на второй план.

Мой дорогой племянник, я не думаю, что тебе очень уж трудно обмануть своих клиентов. Надо только представь им «чертей» комическими персонажами. Если какое-то смутное подозрение забрезжит в их головах, покажи им изображение существа в красном трико с рожками и убеди их, что в такое существо верить не возможно, и они поверят, что нас нет. Это старый метод, он есть во всех учебниках.

Но я уверен, что когда-нибудь нам удастся создать изделие высшего качества – мага-материалиста, не только использующего, но и почитающего то, что он туманно и рас-

пльвчато именует «силами», отрицая при этом невидимый мир. Вот тогда мы приблизимся к победному концу (пока не буду тебе объяснять, что именно мы, низшее и среднее командование, подразумеваем под победным концом).

Дорогой Гнусик, коль скоро мы коснулись тем, которые в средние века называли схоластикой, подниму еще одну из них, интересную для нас.

Сегодня их Церковь отмечает так называемую Вселенскую родительскую (мясопустную) субботу. К сожалению, у этих православных часто бывают подобные церковные службы, когда они поминают своих усопших предков, чтобы облегчить их загробную участь.

Для нас эти дни – сущие страдания, особенно для тех, кто утруждается в преисподней. А ведь были времена, когда все это считалось мракобесием.

Недавно перечитал письма некоего советского педагога к сыну (умышленно не называю его имя, дабы не компрометировать перед потомками). Довольно неглупый человек. Вот, например, некоторые его высказывания: «Где есть материальное благополучие, там есть и богатая духовная жизнь». «Если есть на свете божество – это труд и чудеса его». «Во всех, кто верит в Бога, есть микроскопический кусочек дурака. Честного, может быть, – в смысле честного заблуждающегося, но все же дурака».

Меня очень позабавил его ответ на письмо одной 16-летней девушки в журнал «Наука и религия». Она пишет: «Я по-

ка еще не верующая, но, кажется, скоро стану верующей. И верующей меня делают не какие-то фанатики, как это обычно изображают, не религиозные родители, а что-то такое в душе делается, что – не пойму. На лекциях по естественнонаучному циклу без конца вдалбливают: человек так же смертен, как, скажем, корова или лошадь. Как у коровы и лошади нет бессмертной души, так ее нет и у человека. Уйдет человек в землю и сгниет – ожидает его та же участь, что кошку и собаку. А выдумки о бессмертной душе – все это церковные сказки, унижающие человека. Не смейте и думать о бессмертии – этим вы заявите о своем невежестве...

Обнаженность этих истин потрясает меня. Неужели в человеке ничего все-таки и нет такого, ну... человеческого, хотя бы отдаленно похожего на бессмертную душу? Не хочется уподобляться животному. Поверьте, после одной лекции, где профессор с беспощадной объективностью доказывал, что в биохимическом отношении человек такое же существо, как любое животное, я не могла уснуть. Не спала всю ночь. Хочется иметь в себе что-то глубоко духовное, исключительное. Хочется все-таки, чтобы у человека было что-то близкое к бессмертию... Я начинаю уходить в религиозный мир. Ищу в нем, если хотите, спасения от беспощадного материализма. Материализм кажется мне бездушной, слепой силой. Что же мне делать дальше? Найдите для меня точку опоры: в чем радость жизни, как освободиться от неотступной мысли о смерти, о том, что уйдешь в землю, и вместе с угасани-

ем моего сознания угаснет мир, солнце, звезды – для меня, конечно? Подскажите, что делать».

Наш педагог через этот же журнал дал такой ответ этой девушке, который надо бы и тебе, мой дорогой Гнусик, принять во внимание:

«Меня поражает примитивизм, дремучее бескультурье того малограмотного атеизма, который усиленно проповедают многие лекторы, педагоги, писатели и который скорее толкает людей в объятия религии, чем освобождает их от веры в бога. Самым убогим в этом безграмотном атеизме является то, что в качестве главного козыря, главного доказательства того, что бога нет, выставляется тезис: у человека нет никакой бессмертной души, он бесследно исчезает – так же, как любое животное. Трудно найти что-нибудь другое в большей мере унижающее человека.

Самое омерзительное, что есть в человеческой жизни, – это смерть. Отвращение к смерти – красная нить всей духовной жизни человека. Именно поэтому религии, обещавшие жизнь за гробом, приобрели такое огромное признание миллионов людей. «Страх смерти гонит человека в темницу веры», – писал Горький. Но материализм, наука развенчали сказки о боге, рае и аде. Показали человеку их наивность. Бороться с мерзостью смерти должен сам человек.

В чем сущность этой борьбы? А в том, что дни, недели, месяцы и годы человеческой жизни чем-то наполняются... Я твердо убежден в том, что человеческая личность неис-

черпаема; каждый может стать творцом, оставляющим после себя след на земле. Для того ведь, собственно, мы и строим коммунизм. Не должно быть людей незаметных, людей – безвестных пылинок. Каждый должен сверкать, как сверкают на небе миллиарды миллиардов Вселенных. Быть неповторимой личностью – это зависит в большей мере от самой личности...

Творчество – вот путь к победе над омерзительным призраком смерти. Жажда творчества не покидает человека до последней минуты, и в этом его огромное счастье. До последней минуты работали Алексей Толстой, Сергей Прокофьев. Наука не может ничего дать взамен того, что давала религия, обманывая человека. Наука говорит человеку правду. Если религия давала надежды на загробную жизнь, которую, по религиозному мировоззрению, можно завоевать молитвами, постами, безропотным подчинением судьбе, то наука говорит: «Нет. Человек – сам творец своего бессмертия».

Кто сказал, что у человека нет души? Душа у человека есть, и она несравненно богаче, чем та душа, о которой твердит религия. Душа человеческая – это его могучий дух, его мысль, его дерзновенный порыв в познании, в подчинении сил природы. Вот эту душу человек и может сделать бессмертной. Есть одна сфера творчества, в которой человек поистине добывает себе бессмертие. Это творчество – созидание Человека. Отец и мать создают новое существо – сына, дочь. Это самое высокое, бессмертное творчество. Путь

к бессмертию заключается здесь в том, чтобы повторить в своих детях самого себя, но повторить на высшей основе – воспитать человека лучше, чем ты сам...».

Для меня, конечно, такая антирелигиозная агитация наивна, потому что достаточно человеку прочесть другие книги, например, «Исповедь» Льва Толстого, и аргументы этого педагога разлетятся в прах. Но нам, дорогой Гнусик, надо искать и продвигать подобных «дуболомов», хотя у него были свои минусы. Наш Враг на вопрос: «Какая наибольшая заповедь в законе?» – ответил: *«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим – сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же, подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки».* Так вот, наш педагог, отвергая первую заповедь, но не отверг вторую, за что частично был оправдан на первом суде.

Р. S. Что-то я записался. Ты не заснул, читая мой опус? Не осталось времени из-за этой схоластики написать о себе. Пиши, как твои дела.

Твой любящий дядя, антистратиг III ранга
Баламут-старший.

Восьмое письмо племянника дяди

Мой дорогого дядя, получил твоё длинное письмо. Спасибо за разъяснения.

Подумал о том, что я читал это послание дольше, чем оно шло. Да, теперь люди по электронной почте общаются так же быстро, как и бесплотные духи. Интересно, чей это подарок: наш или Его? Но ведь совсем недавно люди писали друг другу письма, которые шли днями и неделями, а всего двести-триста лет назад корреспонденция шла месяцами, если не годами. «До чего дошел технический прогресс», как говорят люди. До того ли еще он доведет, если не заведет...

Перехожу от лирического отступления к делам скорби и радости. Недавно с моим четвертым подотчетным бесом, его зовут Болтун, был в тамошнем молитвенном доме, они его называют Дом Божий, или храм, иногда церковь. Какая разница в этих словах? Для нас они обозначают одно – логово Врага. Да, твоя правда, дядя, мы, бесы, иногда можем входить в эти замкнутые помещения. Я с Болтуном шнырял среди прихожан, там было много и других наших собратьев. Тебе, дядя, наверное, интересно, что мы там делали? Дело в том, что туда вошли мой Пожарник и клиентка Болтуна по кличке Певчая. Он – в алтарь, она – на клирос. Правда, мы недолго там были: от свечей, ладана и главное – от их песнопений – Болтуну стало плохо, и мы вышли подышать свежим

воздухом.

Я, дядя, люблю природу, но не первозданную, не Его творение, а нашу: загаженную, заплыванную, пропаханную бороздами цивилизации. А еще мне бальзам на сердце, когда люди говорят, что они – продукт развития природы. От всей души радуюсь, когда ученые утверждают, что человек произошел от обезьяны. Получается – масло масленое, или творение произвело творение. Недавно прочитал у одного автора: «Природа не лукавит, она естественна: за паству не борется и антихристом не пугает, и индульгенции не продает». Это сродни словам того самого педагога: «Если есть на свете божество – это труд и чудеса его». Люблю, дядюшка, когда люди сравнивают слона с комаром. Но я отвлекся, видно, у тебя учусь философствованию.

В храм мы с Болтуном вошли, когда настоятель произносил проповедь. Говорил долго, нудно, что-то там из Его книг, даже нам не всегда было понятно, о чем речь, но одну мысль мы ухватили с радостью: «Скоро Великий пост, идет последняя приуготовительная неделя – мясопустная. Уже на этой неделе нельзя вкушать мясного. Мы должны со всей серьезностью подойти к посту, воздерживать себя от мяса, рыбы, яиц, молочных продуктов, кроме положенных по уставу дней. Ради Его светлого воскресения (здесь моя интерпретация) потерпим, дорогие братья и сестры, в эти дни Великого поста». И так далее и тому подобное. И ничего – о воздержании словесном, воздержании от плотских утех, о духовном

и молитвенном стоянии, об усиленной любви к ближнему, или о том, как говорят другие пресвитеры, что «лучше съесть скоромного, чем поедать ближних». Для меня, дядюшка, его проповедь равносильна была известной фразе: «процедить комара, а слона не заметить».

Но самое интересное было, когда наша Певчая после службы подошла к настоятелю за благословением на молочные продукты по состоянию здоровья. «Никакого послабления, строгий пост! Не благословляю!», – был резкий ответ. На что наша страдалица сказала: «А вот отец Пантелеймон (он у них вроде местного старца) говорил: Мария, все по силам, все по силам, не бери камня, которого не можешь поднять». Наш настоятель и врезал ей по полной программе: «Вот и иди к своему Пантелеймону, а я не разрешаю!». Какова ситуация? Что напишешь мне по этому поводу, дядюшка?

Р. S. Коротко о моем наставнике: я подкинул ему хорошую подработку – почти ничего не приходится делать, а денюжки к пенсии поплывут. Деньги к деньгам – это наш принцип.

С приветом, твой любящий племянник

Баламут-младший, он же Гнусик.

Девятое письмо дяди племяннику

Дорогой Гнусик!

Во-первых, насчет их постов. Это целая огромная тема. В нашей концепции «Тайны беззакония» есть целая глава, посвященная постам, я даже сдавал по ней экзамены, когда учился в низшей Академии. Но о постах в другой раз.

Во-вторых. Ты нарвался на того самого «старчика», про которого я тебе писал в четвертом письме. Ну что? Увидел, услышал, унюхал? Как написано в книге нашего Врага, «они были с нами, но были не наши». Ты понял, что «наши – не те только, которые режут и жгут да делают классические выстрелы или кусаются... наших много, ужасно много, и сами того не знают!..».

Я тебе уже писал, что старчество – ужасное явление в стане нашего Врага. Но отец наш всегда найдет противоядие. Такие настоятели, которые мнят себя «старцами», а сами порочат духовных отцов, нам очень нужны. Этот пресвитер проходит у нас под кличкой Прохожий, и курирует его опытейший бес, его зовут Лизоблюд, он его продвигает на благочинного.

Отошлю тебя, мой дорогой Гнусик, опять к столь популярному у них писателю Достоевскому. В одном его романе есть персонаж – старец Зосима. «Любите друг друга, отцы, – учил старец монахов. – Любите народ божий. Не святее же

мы мирских за то, что сюда пришли и в сих стенах затворились, а, напротив, всякий, сюда пришедший, уже тем самым, что пришел сюда, познал про себя, что он хуже всех мирских и всех и вся на земле...».

Так вот, в этом же монастыре в уединении жил «великий постник и молчальник», отец Ферапонт, – противник отца Зосимы и противник старчества, которое он считал вредным и легкомысленным новшеством. «Противник он был чрезвычайно опасный, несмотря на то, что он, как молчальник, почти и не говорил ни с кем ни слова. Опасен же был он, главное, тем, что множество братии вполне сочувствовало ему, а из приходящих мирских очень многие чтили его как великого праведника и подвижника, несмотря на то, что видели в нем несомненно юродивого. Но юродство-то и пленяло...». А паче всего пленяло монахов его постничество. То, что ели в монастыре за два дня, он растягивал на неделю. И от этого «великого» воздержания впал наш отец Ферапонт в прелесть. Они (православные) считают, что прелесть – это самообольщение, духовная болезнь, которая проявляется в том, что человеку кажется, будто он достиг определенных духовных высот, вплоть до святости.

«У обедни он редко появлялся. Приходившие поклонники видели, как он простаивал иногда весь день на молитве, не вставая с колен и не озираясь... Чина священнического не имел, был простой лишь монах. Ходил очень странный слух, что отец Ферапонт имеет сообщение с небесными духами и

с ними только ведет беседу, вот почему с людьми и молчит.

Пришел к нему однажды монашек из другой обители с поклонением и вопросами:

– А чертей у тех видел? – спросил отец Ферапонт.

– У кого же у тех? – робко осведомился монашек.

– Я к игумену прошлого года во святую пятидесятницу восходил, а с тех пор и не был. Видел, у которого на персях сидит, под рясу прячется, токмо рожки выглядывают; у которого из кармана высматривает, глаза быстрые, меня-то боится; у которого во чреве поселился, в самом нечистом брюхе его, а у некоего так на шее висит, уцепился, так и носит, а его не видит.

– Вы... видите? – осведомился монашек.

– Говорю – вижу, наскрозь вижу. Как стал от игумена выходить, смотрю – один за дверь от меня прячется, да матерой такой, аршина в полтора али больше росту, хвостище же толстый, бурый, длинный, да концом хвоста в щель дверную и попади, а я не будь глуп, дверь-то вдруг и прихлопнул да хвост-то ему и защемил. Как завизжит, начал биться, а я его крестным знамением, да трижды – и закрестил. Тот и подох, как паук давленный. Теперь, надоть быть, погнил в углу-то, смердит, а они-то не видят, не чухают. Год не хожу. Тебе лишь, как иностранцу, открываю.

– Страшные словеса ваши! А что, великий и блаженный отче, – осмеливался всё больше и больше монашек, – правда ли, про вас великая слава идет, даже до отдаленных земель,

будто со святым духом непрерывное общение имеете?

– Слетает. Бывает.

– Как же слетает? В каком же виде?

– Птицею.

– Святой дух в виде голубине?

– То Святой дух, а то Святодух. Святодух иное, тот может и другую птицею снизойти: ино ласточкой, ино щеглом, а ино и синицею.

– Как же вы узнаете его от синицы-то?

– Говорит.

– Как же говорит, каким языком?

– Человечьим.

– А что же он вам говорит?

– Вот сегодня возвестил, что дурак посетит и спрашивать будет негоже. Много, инок, знать хочеши...

Хотя вернулся в свою келью обдорский монашек в сильном недоумении, но сердце его несомненно всё же лежало больше к отцу Ферапонту, чем к отцу Зосиме. Монашек обдорский был прежде всего за пост, а такому великому постнику, как отец Ферапонт, не дивно было и «чудная видети». Слова его, конечно, были как бы и нелепые, но ведь Господь знает, что в них заключалось-то, в этих словах, а у всех Христа ради юродивых и не такие еще бывают слова и поступки. Защемленному же чертову хвосту он не только в иносказательном, но и в прямом смысле душевно и с удовольствием готов был поверить. Кроме сего, он и прежде, еще до прихо-

да в монастырь, был в большом предубеждении против старчества, которое знал доселе лишь по рассказам и принимал его вслед за многими другими решительно за вредное новшество».

Прости, что я обременил тебя цитатами и длиннотами. Это для того, чтобы ты умел находить наших людей, якобы пребывающих в Его стаде.

Вот опять не успел тебе рассказать о делах своих, а ждут нас, поверь мне, великие деяния и потрясения.

Твой любящий дядя, антистратиг III ранга

Баламут-старший.

Девятое письмо племянника дяди

Мой дорогого дядя!

Пишу тебе очередное письмо, а сам весь сотрясаюсь от смеха. Недавно познакомился с моим очередным подчиненным бесом (пятым по счету). Его зовут Плут. А его подшефного – Пересмешник. Я редко встречал такое единение нечистой силы с человеческой природой. Они оба веселые и любят поглумиться над людьми, особенно над попами, а главное, иногда они соединяются во плоти.

Я прочитал досье Пересмешника. Он часто говорит про себя: «Пошел я не в отца и мать, а деда своего Олешку, такой же веселый и религией порченый...».

Он часто рассказывал в кругу друзей историю первой исповеди его деда. Дело было до их революции. Привела его мать первый раз к попу на исповедь. До этого она ему объяснила: «Ты, Олешка, слушай, что тебя будут спрашивать, слушай и говори: «Грешен, батюшка! Грешен!» Так вот и предстал в своем детском возрасте его дед пред религией. Поп спрашивает у него:

– А что, отрок, как зовут-то тебя?

– Олешка.

– Раб божий, кто тебя так непристойно глаголить выучил?

Не Олешка, бесовского звука слово, а говори: наречен Алексеем.

– Наречен Алексеем.

– Теперь скажи, отрок Алексей, какие ты молитвы знаешь?

– Сину да небесину!

– Вижу, глуп ты, сын мой, яко лесной пень. Хорошо, коли по младости возраста. Скажи, чадо, грешил ты перед Богом? Морковку в чужом огороде не дергал ли? Горошку не воровывал ли?

– Нет, батюшка, не дергал.

– И камнями в птичек небесных не кидал?

– Не кидал, батюшка.

Говорил тогда его дед сущую правду, а поп взял его за ухо, сдавил, как клещами, да и давай вывинчивать ухо-то. А сам ласково эдак, тихо приговаривает: «Не ври, чадо, перед Господом Богом, бо не простит Господь неправды и тайности, не ври, не ври, не ври...».

Вышел дед его из церкви с ревом, а мать еще добавила, схватила ивовый прут, спустила портки и давай стегать. Стегает да приговаривает: «Говорено было, говори: грешен! Говорено было, говори: грешен!».

Пришел его дед во второй раз на исповедь. Опять одну правду попу сказал. А он пуще внушении сделал, да еще отцу пожаловался. Подумал тогда его дед: «Господи! Что мне делать-то! Правду говорю – не верят, а ежели обманывать – греха боюсь».

Но уж в третий раз его дед пришел подготовленный.

Украл у отца осьмушку табаку и тайно с приятелем выкурили. А на исповеди взял, да и покаялся. Поп отцу не сказал ни словечка. Уж до того он довольный был, что деда воспитал...

С тех пор усвоил его дед простую истину: «Не согрешишь – не покаешься». С того разу и начал грешить. Сперва понемножку, а потом побольше. Стегать его враз прекратили. Жизнь другая настала, а только с этого места пошла она наперекосяк. Начал его дед подворовывать, а когда отделился от родительского дома и завел семью, научился воровать покрупному, но никто его за руку не мог поймать. Отстроился, зажил весело и богато, а в церковь и дорогу забыл. Правда, к тому времени, почти все в России забыли туда дорогу.

Но это, мой дорогой дядюшка, только прелюдия. Учинили мы с Плутом одну комедию в церкви. Пробрался он в человеческое тело и под видом Пересмешника пошел на исповедь к одному молодому священнику. А я стоял рядом.

Подошел к аналою, где лежали Его книга и орудие Его смерти, Плут-Пересмешник и бах к священнику в ноги. Тот смутился и говорит:

– Встаньте! Исповедуйтесь стоя!

– Нет, святой отец, не могу, грехи к земле тянут!

Опять смутился молодой священник и накинул им на голову епитрахиль.

– В чем каетесь?

– Во всем.

– А если конкретнее? Какими грехами страдаете?

– В иллюзии пребываем, батюшка. Вы лучше наводящие вопросы...

– Гневаемся часто, соримся с ближними, посты не соблюдаем, в молитве нерадивы и...

– Нет, не та каденция, батюшка, – прервал поповскую демагогию Плут-Пересмешник.

– Чего-чего? – в смущении произнес молодой священник.

– Не та каденция, говорю, святой отец, видимый мир дает только отражение грехов, но не их суть. Мне бы причаститься, батюшка...

– Готовились, к причастию, соблюли положенный пост? – продолжал в смущении священник, уже не зная, как отделаться от чудного исповедника.

– О! Я всегда готов, как юный пионер, а постом меня не удивишь.

Священник в смущении прошептал какие-то положенные славословия и сказал: «Прикладывайтесь к кресту и Евангелию».

Плут-Пересмешник незаметно для всех поплевал на крест и Евангелие и спросил: «Ну, что, допускаете к причастию, батюшка?».

– Да, идите, – произнес пресвитер, отводя глаза в сторону и головой приглашая следующего исповедника.

К причастию мы, конечно, не пошли, а со смехом вышли из храма.

Вот такие веселые деньки выпадают на нашу долю, доро-

гой дядюшка.

С приветом, твой любящий племянник

Баламут-младший, он же Гнусик.

Десятое письмо дяди племяннику

Мой дорогой Гнусик!

Твое последнее письмо меня повеселило. Появилась идея: пришли ко мне эту веселую парочку, я попытаюсь подсунуть их моему подопечному пресвитеру. Только для этого им надо подготовиться серьезней. Однако тема моего письма будет идти в разрез с твоими последними развлечениями.

Ты знаешь, у русских есть такая поговорка: «С кем поведешься – от того и наберешься». Мы с тобой долгое время работали в Европе, а теперь вот выполняем миссию отца нашего в России. Не знаю, как ты, но я чувствую, что здесь время (хотя в нашем бытии нет такой категории, она свойственна людям) как бы застыло. Там, в Европе, из столетия в столетие, а в последнее время из десятилетия в десятилетие все менялось кардинально. А здесь, в России, все как бы застыло (я имею в виду не технический прогресс, а духовную составляющую этого народа). А главное, главное – я начинаю пропитываться их духом, как здесь говорят: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Пишу это тебе потому, что недавно прочитал эссе одного из здешних писателей, и оно меня умилило, я даже «прослезился». Недаром говорил литературный прототип нашего отца, Мефистофель: «Ничто человеческое мне не чуждо».

Называется оно «Я пришел из России». Вот выдержки из

этого эссе:

«... Русский князь Святослав... Бритый, потный. Сырая конина, рвет зубами. Шальная голова не знает, что быть ей чашей.

... Заскорузлые, злые и пьяные повстанцы Разина Степана Тимофеевича. Шпана, гулебщики, негодяи...

Русский народ коряв, да. Нечесан, немыт...

Византия едва удерживала груз своей величественной истории, побед, поднебесных зданий, а русичи в лес ходили втроем. И лопушками...

А потом лопушки побросали, приплыли в Византию, щит прибили на ворота, данью обложили Царьград...

В бородах. В нелепых одеждах. Зимой – примороженные, летом – размороженные...

Матушка-природа всю головушку изуродовала русскому человеку. Терпенья нет никакого все это вытерпеть, но куда денешься, терпишь... Почти весь год холод терпишь, потом три месяца пашешь до бесчисленного пота – озвереешь... Скорей бы опять зима...

Всегда были жадными. Всегда казалось, что – плохие воины. Всегда желали, чтобы у соседа корова сдохла. Неизменны тысячу лет.

Принесите зеркало – равнодушно посмотрит. Не удивится. «Ну, я...»

Люблю тебя, милый мой, корявый...

Церкви строил и жег. Воевал глупо и бестолково. Все де-

лал так, что должно было обвалиться. Но стояло тысячу лет. Никто не сдвинул.

В России нет современности. Поэтому ее никто не понимает. Может, и не надо?

В России нет времени: русское время, раскипевшееся, выплескивает за край, обваривает Европу и возвращается, дымясь.

И православный священник идет за воинством, уставший, ступая по сгоревшей, обветренной, освященной нами земле...

И, разрывая пасть, выбегая в кошмар, хочу крикнуть: «За Мишку Лермонта! За Серегу Есенина! За Пашку Васильева! За Колю Тряпкина!»

Встану из-под снега – отряхнуться сил нет. Обледенелым чучелом стою, руки в стороны. Дружки уже дома, щи хлеблют. Рязанское поле смотрится в смурь. Домой надо. Мама дома. В груди болит. В валенках хрусткий снег, жжет сквозь носки шерстяные – да, бабушка связала. Мои позвонки во мне. Моя кровь течет. Я пришел из России...

Повстанцы Разина обступили меня – гулебщики, пьянь – обступили.

Они – близкие мои. Трогаю кору – шершаво... Хорошо! Мишка Лермонт и Пашка Васильев – близкие мои. Каждая строчка покачивается во мне, как ветвь, снегом полная. Качнешь – упадет мягко. Хорошо!

Свет нисходит на меня: митрополит Илларион, протопоп

Аввакум, Василий Розанов, Леонид Леонов. Тепло-пожатие мудрецов ладонью ищущую, как ребенок руку отца. Зачем ребенка обижать? Верните мне близких моих...

Русь моя, ребра мои. Сердце внутри...

Мне без разницы, кто, когда и что сделал первым. В Греции уже Олимпиады проводились, а мы по деревьям лазили. В Индии Камасутру практиковали, а мы в стожке... И чего, стесняться? Что, у нас дети хуже индийских? Или сопливей греческих?

Иван Грозный убивал. И еще он молился, отмаливал, и замаливал, и сочинял музыку, пока в Европе пошлые правители резали младенцев и жгли женщин и никогда не стыдились этого...

В позапрошлом веке Достоевский был лучше всех европейских сочинителей текста. И Мусоргский, и Чайковский были лучше всех сочинителей музыки.

А в прошлом веке – Рахманинов и Свиридов были лучше.

В 1930-е годы Владимир Набоков и Гайто Газданов обошли всех европейских эстетов. Владимир и Гайто – они вкуснее, умнее, изящнее вязкого Пруста.

Потом, в 1970-е, был великий Лимонов – и он был жестче и умней, чем Жене и Пазолини.

Почему Европа? У них евроцентризм: они никого, кроме себя, не узнают и не знают, – но мы-то что?..

В самых страшных войнах мировых победили мы. В мире тысяча национальностей, а победили только русские. И вос-

пели свои победы – в былинах, в песнях, в романах. И хорошо воспели...

Над вечным покоем. Есть такое полотно – «Над вечным покоем». Изба, и кресты, и река течет. И поле. Неизменно и неизбывно. Это – мое, все мое. Не продать, не разменять. Наши покосившиеся избы вросли корнями в землю. Каждая зеница ока упадет в тело моей Родины – больше некуда. Мы сотворены для нее...

Вся Россия – деревня, и чуть-чуть рассыпано провинциальных городов. И одинокий Санкт-Петербург. И заселенная нерусскими Москва. И опять – деревни...

Мы затеряны в снегах и счастливы этим...

Время, вперед! Рядом, время! Мы отцы и дети гениальных песен и книг. Мы пришли из России и уйдем в нее. Если она нас примет».

Ну как тебе, мой дорогой Гнусик? Я привел этот текст, чтобы ты понял, с кем мы имеем дело. Говорил и повторяю: здесь тебе не Англия, и вообще не Запад и не Восток. Россия – это третья сила. Об этом хорошо писали в свое время их поэты и философы, например, Александр Блок и Владимир Соловьев. Но «дайте, дайте возрасти поколению», и вот тогда мы посмотрим.

Твой любящий дядя, антистратиг III ранга

Баламут-старший.

Десятое письмо племянника дяди

Мой дорогого дядя!

Я что-то не припомню, чтобы ты был сентиментальным. Да, русская почва действует на тебя, не знаю даже, в какую сторону. Не мне тебя предупреждать, но статью «сочувствие врагам отца нашего» никто не отменял...

Недавно меня вызывал сотник Волчье ухо. Показал приказ от тебя, чтобы я выделил в твое распоряжение Плути и Пересмешника – эту сладкую парочку. Заодно выказал свое неудовольствие моей работой. Сказал, что не все дела моих подопечных бесов я проверил, да и сам, якобы, плохо работаю с клиентом. В Англии мне никто таких претензий не предъявлял. Ну да, я понимаю, русская специфика влияет на все: на людей, природу и даже на наших...

P. S. Да, чуть не забыл. Волчье ухо в сердцах пробурчал, что институт Искусителей сильно испортился в последнее время. Что это значит, дорогой дядюшка?

С приветом, твой любящий племянник

Баламут-младший, он же Гнусик.

Одиннадцатое письмо дяди племяннику

Мой дорогой Гнусик, куколка моя, мой поросеночек!

Ты, видно, возомнил, что мы ровня, и решился предупредить меня, или ты уже написал на меня донос в тайную полицию? Дорогой Гнусик, я прекрасно знаю статью о «сочувствии врагам отца нашего». Но ты не учел, что бесам моего ранга можно рассуждать о сильных сторонах наших врагов – тебе же нельзя. Твое дело – слушать старших и повиноваться, иначе ты станешь лакомым кусочком, от которого у меня прибавится жиру. Только не обижайся, я предупреждаю тебя любя. Но теперь о деле.

Во-первых, об институте Искусителей, на который ворчит твой командир. Он прав, я всегда подозревал, что институт Искусителей сильно испортился с тех пор, как его возглавил старик Гад. Теперь я окончательно в этом убедился. Многие «работники» настолько слабы в искушении, что порой больше идут на поводу у людей, чем люди у них. Это все от малограмотности и некомпетентности. Если провести аттестацию, то я уверен, что многие даже не сформулируют «закон волнового чередования».

Ну, теперь о самом главном. Недавно я проделал некий эксперимент с моим подопечным пресвитером, используя

твою «сладкую парочку» – Плута и Пересмешника. Я еще раз убедился, что искушением его не возьмешь. Но зато придумал для него подходящий псевдоним – Соломон. Однако обо всем по порядку.

В один из воскресных дней мы втроем просочились на литургию в их храм (да простит мне наш отец эти позорные слова). Плут подошел ко мне и спросил, как им исповедаться: по-человечески или по-бесовски. Я сказал: по-бесовски. Тогда Плут вошел в Пересмешника и встал в очередь на исповедь, а я, невидимый, стоял рядом.

Вот настала их очередь исповедоваться.

– Благословите на исповедь, святой отец, – начал Плут-Пересмешник.

– Святые отцы в Ватикане, в чем каетесь? – ответил наш пресвитер.

– Во всем!

– А если подумать...

– Нет такого греха, который я бы не испробовал.

– Значит, во всех... Что, в воровстве?

– Разве это грех, батюшка?

– Прелюбодеяние?

– Копай глубже, самый страшный грех, батюшка.

– Убийство себе подобного? – с тревогой в голосе спросил пресвитер.

– Да нет же. Про самый страшный грех хочу рассказать. Можно?

– Ну, говори.

– Любовь у меня в душе неизбывная, – съехидничал Плут-Пересмешник.

– К чему? – понизив голос, спросил наш Соломон и внимательно посмотрел на исповедника.

Тут Плут-Пересмешник встал во весь рост, сбросив епитрахиль с головы, и плаксивым голосом залепетал: «Ко всему, батюшка, ко всякой твари земной, небесной и подводной. Кузнечика или бабочку вижу перед собой, и сердце сжимается от жалости. А бездомного котенка увидишь, так и зарыдаешь, возьмешь и перекрестишь его и даже благословишь...».

– Постой, постой, – прервал пресвитер столь нелепую исповедь, которая начала привлекать внимание всего храма. – Может, ты горькую пьешь? – с тревогой и надеждой продолжил он.

– Нет, святой отец, ни разу, жизнь и так горька, – не унился лжеисповедник, все больше и больше входя в роль.

– Ну, а человека ты любишь, ближнего своего любишь?

– И ближнего, и дальнего, и даже зарубежного. Особенно врага рода человеческого.

– Погоди, погоди, ты что, и врагов своих любишь?

– Есть такая слабость.

– Что, и врагов церкви Христовой, еретиков любишь?

– Этих особенно, святой отец.

– Все что ли? – хотел уже подвести черту этой самой

странной в его исповеднической деятельности встрече пресвитер, но Плут-Пересмешник не унимался.

– Нет. Не все. Особенно каюсь в доброте неизреченной, нестяжательстве, во всепрощении и мудровании.

– В мудровании? В каком таком мудровании?

– В таком специфическом состоянии души. Не испытывал, владыка?

– Нет, Бог, миловал.

– А я вот постоянно. Гляжу, бывало, на состояние дел текущих и размышляю, мудрствуя лукаво. И ничего с собой поделать не могу. Чувствую, как мудрею и мудрею. Мудрею – и все тут. Так отпустишь грехи, владыка?

– Грехи отпустить не могу. Ты сам у меня отпускать грехи должен. И в церковь тебе ходить совсем не обязательно, – заключил тут наш Соломон.

– А как насчет причастия? Другие священники меня допускали.

– Не знаю, как другие, но если все взвесить и рассудить во благовремени, то и причастие тебе тоже не нужно.

– А что же мне делать, куда и к кому идти? – с обидой в голосе спросил Плут-Пересмешник.

– А идите куда хотите, но только не в церковь, – спокойно и уверенно поставил последнюю точку пресвитер.

Вот такая «исповедь» получилась у нас, дорогой Гнусик.

Наверное, единственный выход справиться с моим подопечным – это административные меры, и я найду способ...

За сим желаю откланяться, твой любящий дядя, антистратиг III ранга

Баламут-старший.

Одиннадцатое письмо племянника дяди

Мой дорогой дядя!

У меня и в мыслях не было в чем-либо тебя уличить! И бесу моего ли ранга писать доносы в тайную полицию?

Недавно вернулись в строй Плут и Пересмешник. Вернулись несолоно нахлебавшись. Но по-прежнему веселые и полные энергии. Волчье ухо очень удивился, что ты отпустил их без наказания.

Дорогой дядюшка, я прекрасно знаю, что есть духовные законы, например закон – «нет пророка в своем отечестве». Но по своей малограмотности (ведь я только окончил начальные курсы искушения), я ничего не знаю про «закон волнового чередования». Поясни мне, дядюшка.

С приветом, твой любящий племянник

Баламут-младший, он же Гнусик.

Двенадцатое письмо дяди племяннику

Мой дорогой Гнусик, неужели тебе никто не говорил о «законе волнового чередования»?

Он касается двойственной природы людей. Они (люди) – полудухи, полуживотные. Как духи, они принадлежат вечности; как животные, существуют во времени. Как сказано в главной книге Врага: *«И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою»*. Это означает, что дух их может быть устремлен к вечности, а тела, страсти и воображение постоянно изменяются, ибо существуют во времени. В земном существовании они подвержены волнообразному чередованию. Это значит, что они возвращаются от спада к высшему уровню, который, не сумев удержать, теряют и снова идут на спад. Вот такая цепь подъемов и спусков. Знаешь, дорогой Гнусик, что решение Врага создать столь возмутительный гибрид было одной из причин, побудивших отца нашего отступить от Него.

Твои подопечные, пока живут на свете, испытывают периоды эмоциональной и физической интенсивности и периоды усталости и апатии. Они вполне естественны, и нам не будет никакого прока, если ты не сумеешь их правильно исполь-

зовать. Чтобы решить, как их лучше с ними поступить для нашей пользы, надо спросить себя, какую цель здесь преследует Враг, и действовать прямо противоположно. Он больше полагается на периоды спада, нежели на периоды подъема. Некоторым из них (они называются угодниками) пришлось пройти через очень продолжительные периоды спада. Для нас человек – преимущественно пища, наша цель – поработить его волю, нам надо увеличить площадь нашего эгоизма за его счет. Враг же требует от него совершенно иного. Нужно твердо усвоить, что все разговоры о Его любви к людям и о том, что служение Ему – подлинная свобода, не просто пропаганда (как нам хотелось бы думать), а ужасающая правда. Он действительно вздумал наполнить Вселенную множеством Своих отвратительных маленьких подобий. Ему нравится, чтобы она кишела существами, чья жизнь в миниатюре подобна Его собственной не потому, что Он подчинил их, а потому, что их воля свободно сопрягается с Его волей. Нам нужно стадо, которое станет нам пищей. Он хочет служителей, которые станут Ему сыновьями. Мы хотим поглощать, Он – отдавать. Мы пусты и хотим насытиться, Он – полнота, неистощимый источник. Цель наша – мир, состоящий из людей, захваченных отцом преисподней. Враг же жаждет, чтобы все люди соединились с Ним, и при этом каждый остался неповторимой частицей.

Люди должны быть едины с Ним, не утратив своей личности. Ни пренебрежение людьми, ни порабощение их Его

не устраивает. Он готов чуть-чуть подстегнуть новообращенных. Он иногда приободрит их, давая ощутить Свое присутствие, пусть слабо и тускло, но с них и того хватает. Он оживляет их благодатной радостью и легкой победой над искушением. Но никогда Он не даст этому долго длиться. Рано или поздно отведет их от Своей поддержки и Своего наставничества, если и не в действительности, то в их представлении. Он вынуждает Свои создания встать на собственные ноги и с помощью одной лишь воли исполнять обязанности, потерявшие привлекательность. Именно в периоды спада, а не в периоды подъема человек ближе всего к тому, кем Враг назначил ему быть. Поэтому молитвы, обращенные к Нему в «духовную засуху», Он и ценит больше всего.

Не обманывайся, Гнусик, наше дело в особенно большой опасности, когда человек оказывается во Вселенной, из которой, казалось бы, исчез всякий след Врага, спрашивает, почему он покинут, но продолжает повиноваться Ему без особого желания, но с твердым намерением следовать воле Врага.

Конечно, периоды спада и нам предоставляют некоторые возможности. На следующей неделе я дам тебе несколько советов, как ими воспользоваться.

P. S. Пиши мне, как идут дела с твоим пациентом и пациентами твоих подшефных бесов. А Плути я не утилизировал, потому что не его уровня мой подшефный. Поощрять и наказывать нужно с умом.

Твой любящий дядя
Баламут-старший.

Двенадцатое письмо племянника дяди

Мой дорогой дядя!

Спасибо за просвещение. Да, знать о действии «закона волнообразного чередования» очень полезно. Знание – сила. Теперь, используя периоды спадов и подъемов, мне легче будет искушать своих пациентов.

Мой пациент Пожарник усиленно постится. У него сейчас период религиозного подъема. Как летит время! Скоро у них праздник, так называемое Вербное воскресенье. А там и конец Великого поста. Вот тогда у него наверняка пойдет период спада. Воспользуемся.

Мои подшефные бесы плотно курируют своих пациентов: Психиатр – Фотографа и Австрийца, Саморезик – Прижигальщика, Болтун – Певчюя, Плут – Пересмешника, а я – всех их.

Недавно я прочитал отчет еще одного моего подопечного беса. Его зовут Широкий, он курирует очень интересного пациента по кличке Поручи». Широкий ловит своих подопечных на вине, картах, женщинах и на других «радостях жизни».

Привожу, дядя, выдержки из его отчета по делу Поручика. Надо сказать, что при специализации на столь легковесных

искушениях Широкий довольно-таки педантичный бес.

«Еще в юности, – пишет Широкий, – мой подопечный Поручи» в своей семье был вроде блудного сына. Поведения был беспутного, общался с блатными и любил погулять на широкую ногу, чем сильно опустошал карманы родителей. Но, имея отчаянный характер, по настоянию отца, бывшего офицера, поступил в военное училище, окончил его и служил в одном дальнем гарнизоне. Дослужился до звания поручика (сейчас это старший лейтенант), но за драку с командиром был уволен из рядов вооруженных сил. По увольнении вернулся в родной город и жил за счет случайных заработков, при этом не забывая прежних увлечений...».

Далее Широкий описывает его сладострастные приключения. «Он, – делает вывод Широкий, – любит разврат и срам разврата, любит жестокость, любит жить на широкую ногу... На наше счастье, Поручик попался на любви к одной очень красивой женщине и ради нее занял и потратил большие деньги. У него возник конфликт с отцом на почве незащищенного лишения наследства...».

Если быть короче, мой дорогой дядюшка, Широкий хочет подвести Поручика к совершению уголовного преступления, но при этом указывает на трудности в его характере. И какую же трудность он видит в искушении своего пациента? Это широта натуры и ощущение красоты!

У меня, дядя, что-то берега не сходятся. Как это широта натуры и ощущение красоты могут быть препятствием улов-

лению наших пациентов?

С приветом, твой любящий племянник

Баламут-младший, он же Гнусик.

Тринадцатое письмо дяди племяннику

Мой дорогой Гнусик!

Мы в Высшей школе магии проходили многие полезные предметы, в том числе библиологию и литературоведение. Ты, наверное, заметил, что я часто цитирую главную книгу Врага. Но я также приводил цитаты из книг так называемых писателей-богоискателей. В этом плане наиболее опасен для нас Достоевский. Вот что он писал о красоте: «Красота – это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя потому, что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут... Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды... Иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны, и горит от него сердце его и воистину, воистину горит, как и в юные беспорочные годы. Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. *Черт знает* что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В содоме ли красота? Верь, что в содоме-то она и сидит для огромного большин-

ства людей... Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей...».

Вот видишь, Гнусик, *черт знает*, или вернее должен знать, что такое красота и в чем ее опасность. Боюсь, что в последний миг Враг может спасти пациента твоего Широкого, этого искателя красоты и острых ощущений.

Но вот что интересно, мой дорогой племянник: ситуация с этим Поручиком хорошо подпадает под действие «закона волнового чередования» (я тебе обещал написать, какие возможности открывает нам период спада).

Так вот, судя по всему, у этого Поручика период духовного спада, а он открывает прекрасные возможности для чувственных соблазнов, особенно искушений пола. Замечу еще, что чувственность во время спада имеет тонкое качественное отличие от чувственности в период оживления. Гораздо меньше вероятностей, что она повлечет за собой то кисейное состояние, которое люди называют «влюбленностью». Чувственность во время спада можно легко направить в русло извращений, она менее заражена порывами великодушия, фантазии и даже духовности, которые часто приводят нас к разочарованию в человеческой похоти.

В этот период легко превратить человека в горького пьяницу или напичкать его какими-то другими «вредными привычками». Запомни, что тогда нашим клиентам лучше выпить рюмочку в минуту скуки и усталости, чтобы забыться

и успокоиться, чем в компании с друзьями ради общительности и веселья.

Всегда помни, что удовольствие, испытываемое в здоровой, нормальной и плодотворной форме, лежит в зоне действия Врага. Я знаю, что с помощью удовольствий мы завладели многими душами. Тем не менее удовольствие – Его изобретение, а не наше. Он сотворил все радости и развлечения. Мы можем и должны побуждать людей к тем радостям и наслаждениям, которые запрещены. Именно поэтому мы всегда стараемся отвести человека от естественных удовольствий к неестественным, утратившим связь с Творцом. На этом пути формула человеческого падения такова: все больше жажда, все меньше удовлетворение. Это надежный путь, вполне в духе современной нравственной моды. Завладеть душой человека и не дать ему взамен ничего – истинная радость для отца нашего. А периоды спада – лучшее время для начала такого процесса.

Но здесь все зависит от того, к какому типу людей принадлежат наши клиенты. Одних можно искушениями довести до отчаяния, другие цепляются за фальшивые надежды. Если этот Поручик принадлежит к первому типу, все очень просто: его только следует держать подальше от христиан (что нетрудно в наше время). Тогда победа за нами. Если же он из людей, довольствующихся надеждами, надо заставить его поверить, что он человек с низкой температурой духа, этакое насекомое, червь, ползущий по земле. Надо вну-

шить ему, что «во всем надо знать меру». Хорошо, если тебе удастся, подведи его к мысли: «Верить хорошо, но зачем же крайности!». Религия «в меру» для нас так же хороша, как полное неверие.

Ясна тебе суть? Учись, учись, дорогой Гнусик, «пока я жив», – как говорят люди. Ха! Ха! Ха!

P. S. Для нас скоро в очередной раз насулит тяжелый период, когда все начнут вспоминать о Его воскресении в одной из ипостасей. Дай нам, отец наш, терпение и лютость к врагам нашим.

Твой любящий дядя
Баламут-старший.

Тринадцатое письмо племянника дяди

Да, мой дорогой дядя, очень трудные настали дни! Из всех щелей ползет: «Христос воскрес! Христос воскрес!» – и даже те, кто не верует, кричат: «Воистину воскрес!».

Ну и пусть себе кричат, а мы будем делать дела отца нашего. Ничего, ничего, мы еще поглядим, кто пересилит – мы или они.

Вчера я познакомился с еще одним моим подопечным бесом. Его зовут Очевидец, а его клиента – Ученый.

Да, кого ни возьми, все личности. Вот и эти. Очевидец специализируется на ученых умниках, которые в Него не веруют и не признают загробной жизни. Его девиз: «Не умрешь – не узнаешь, не увидишь – не поверишь». Его предыдущий клиент был от «большого ума» доктором педагогических наук и профессором на кафедре истории. Был членом партии и, соответственно, атеистом, в Него не веровал и будущей жизни не признавал, в чем и убеждал своих учеников. А когда настал его момент истины, т. е. неожиданная кончина, то и предстала перед ним эта будущая жизнь. И что же профессор? Возмутился и закричал: «Неслыханно! Это не соответствует моим убеждениям!» – чем привел в восторг наших падших ангелов и в печаль – Его ангелов. Теперь он завис

где-то в круге девятом Ада, вместе с обманувшими доверившихся.

Да будет же тот вечно предан сраму,
Кто б вздумал дно вселенной описать
Тем языком, что кличут папу, маму.

Его нынешний клиент, Ученый, окончил юридический факультет МГУ и ныне работает адвокатом. Защищает исключительно богатых и хвалится своим материализмом и атеизмом. Однако это не мешает ему философствовать на религиозно-нравственные темы. В одном из центральных научных журналов он опубликовал интересную статью под названием «Об основах церковно-общественного суда», где развил идею о том, что государство со временем должно перерасти в церковь, а не церковь занимать в нем «некоторый угол».

Вот послушай, дядюшка, цитаты из его опуса: «Если бы всё стало церковью, то церковь отлучала бы от себя преступного и непослушного, а «не рубила бы тогда голов», как сейчас делает государство. Куда бы пошел отлученный от церкви преступник? Ведь тогда он должен не только от людей быть отлученным (изолированным), как теперь, но и от Христа уйти. Он в этом случае восстал бы не только на людей, но и на церковь Христову. Нынешний преступник весьма часто вступает в сделку со своей совестью: «Украл, дескать, но не на церковь иду, Христу не враг». Ну, а когда церковь станет на место государства, тогда трудно было бы ему это ска-

зять...».

Но самое интересное, дядюшка, что в этом человеке уживаются две противоположности. С одной стороны, он сторонник церковно-общественного суда (по крайней мере, для общественного мнения), с другой стороны – проповедник теории вседозволенности. В беседе с одной дамой из элитного общества он заявил, что эгоизм и злодейство не только должны быть дозволены человеку, но признаны необходимым и самым разумным исходом из нравственного положения вещей. И вдобавок процитировал Достоевского: *«На всей земле нет решительно ничего такого, что бы заставляло людей любить себе подобных, что такого закона природы: чтобы человек любил человечество – не существует вовсе, и что если есть и была до сих пор любовь на земле, то не от закона естественного, а единственно потому, что люди веровали в свое бессмертие... Уничтожьте в человечестве веру в свое бессмертие, в нем тотчас же иссякнет не только любовь, но и всякая живая сила, чтобы продолжать мировую жизнь. Мало того: тогда ничего уже не будет безнравственного, все будет позволено...».*

Очевидец играет на противоречиях его ума, чтобы в конечном счете сделать его нашим откровенным сторонником или довести до сумасшествия.

На сем заканчиваю свое письмо, дорогой дядя. Как всегда, жду твоих советов и наставлений.

С приветом, твой любящий племянник

Баламут-младший, он же Гнусик.

Четырнадцатое письмо дяди племяннику

Дорогой Гнусик!

Опыт подсказывает мне, что клиент твоего Очевидца только внешне атеист и материалист, на самом же деле вопрос о вере в Него еще не решен им окончательно. Вы можете в любой момент потерять этого Умника. Нужно, пока не поздно, ловить его на противоречиях, и если не удастся сделать из него нашего стойкого адепта, то по крайней мере доведем его до сумасшествия. Для нас нет большего удовольствия, чем сказать нашему Врагу: «Ты создал человека по образу и подобию Своему, вот теперь полюбуйся на этого злодея, или безумца...».

Ну, теперь о главном. Я недавно предпринял атаку с тыла на своего пресвитера. Скоро узнаем, увенчалась ли она успехом. Я, приняв облик местного архиерея, явился в тонком сне благочинному, в ведении которого находится тот храм, где служит наш стойкий оловянный солдатик. Кстати, наш Прохожий является настоятелем храма этого же округа. В свое время благочинный (он проходит под кличкой Ревизор – она дана ему за пристрастие к неожиданным финансовым ревизиям вверенных ему храмов) вел отчаянную деятельность, чтобы снять нашего Прохожего с настоятельства, но

дело закончилось обильной данью в конвертике. Но об этом как-нибудь в другой раз.

Итак, под утро (утренние – сны самые запоминающиеся) я в архиерейском облачении (меня можно было разоблачить только по панагии, не могу же я повесить на шею образ Его матери или самого Врага в его земном воплощении) явился пред закрытыми очами благочинного.

И вот снится нашему благочинному Ревизору дивный сон. Мягко ступая, неслышной походкой входит к нему в спальню, что на втором этаже его загородного особняка, владыка и садится в кресло, обитое плюшем. Благочинный в недоумении вскакивает, садится на кровати и лихорадочно ловит ногами тапочки. Протирает глаза и выпучивает их на столь странное явление.

Я тем временем якобы обнаруживаю у него на кресле странные предметы (бигуди и бюстгальтер). Поднимаю их в воздух и говорю:

– Однако же... Это ты что же, сам себе волосы-то крутишь или другим?

– Другим... – мямлит благочинный, все еще не веря столь непривычному явлению.

– А это тебе для какой надобности? О, да тут не меньше шестого размера!

– Это не мое!

– Понятно, что не твое.

– Я не в том смысле. Это я отобрал у одного мальчишки,

озорника...

– Ну ладно, ладно, успокойся. Кто не без греха. Но я к тебе по другому делу. Что же это ты, братец, распустился? От твоего благочиния за прошлый квартал самые маленькие по епархии отчисления.

– Виноват. Самого необходимого порой нет, свечей для храмов не хватает. Прихожан мало, а причт большой. В общем, стеснение в средствах, владыка.

– А стеснение в душе?

– И этого довольно... А вы откуда, ваше преосвященство?

– Откуда, откуда... Оттуда – и прямо сюда. Ты не отклоняйся от темы!

– Виноват, в следующем квартале прибавлю и недостачу покрою.

– Да? И каким образом?

– Наверное, за требы и свечи цену надо надбавить, книги и утварь у нас самые дешевые. А вот еще прикажу во всех храмах с подносом обходить прихожан, а то кое-где это перестали делать. Распустились...

– Да? И все?

– А что еще?

– А ты вот посмотри, как в других благочиниях и храмах делают.

– А что делают?

– У вас просфоры так раздают, а вот у отца Петра в храме – за копеечку. Но не это главное.

– Хорошо, будем продавать просфоры. А что главное?

– Экономия – главное. Ты вот жалуешься – причты стали большими. Прикажи сократить штат! А лучше у тех храмов, где самые большие отчисления на зарплаты, увеличь налоги. Вот еще. У тебя в некоторых храмах по три, а то и по четыре священника. Зачем столько? Сельские приходы закрываются из-за отсутствия настоятелей, а у тебя на десять храмов тридцать три с половиной священника. Зачем столько? Сократи. Ты вот что, напиши мне списочек из пяти-шести священников, я их направлю на сельские приходы.

– Да как же это мы их сократим, за что?

– Это ты о чем? О презумпции невиновности что ли?

– Ну, вроде этого.

– А ты знаешь, что наша церковь давно уже удачно совмещает римское право с церковным уставом. Это мое право – кого куда направлять. Хочу – в село, хочу – за штат. И настоятелей с благочинными назначать – мое дело. Хочешь, тебя заменим, а?

– Нет, не хочу, ваше преосвященство!

– То-то же. В общем, составь мне списочек, а я тебе помогу. У меня лежит целая кипа жалоб от прихожан на некоторых священников. Ты зайти в управление, выбери жалобы на своих, а выводы сделай сам. Понял?

– Так точно, владыка.

– Так-то. Засиделся я у тебя. В дорогу пора.

– Куда же вы теперь?

– В Куманду, в монастырь «Фомы неверующего», там у нас намедни будет коллоквиум архи... в общем, среднего начальства.

Я встал, понимая, что благочинный вскоре проснется, и тихонько растворился в его воображении.

Вот такие фокусы мы можем делать, мой дорогой племянник. А до этого я организовал жалобы наших доверенных клиентов в епархию на моего пресвитера и еще ряд неугодных священников. Особенно постарались Плут и Пересмешник, обвинив нашего стойкого оловянного солдата в неуважительном отношении к святым таинствам. В общем, пускай там, в их епархии, разбираются.

Твой любящий дядя

Баламут-старший.

Четырнадцатое письмо племянника дяди

Дорогой дядя! Отец наш тебе в помощь в борьбе с этим пресвитером. Вообще я сторонник физического уничтожения врагов отца нашего. Кстати, ты не слышал последнюю новость? На одного из современных писателей, цитаты, из книги которого ты приводил мне в одном из твоих писем, совершено покушение. К сожалению, он выжил, но это хороший урок всем нашим врагам.

Ну, теперь о деле. Недавно познакомился с еще одним подшефным бесом, его зовут Гончий. Он курирует клиента по кличке Приобретатель. Это бойкий в своем роде характер, с силой воли, хитростью и поразительной способностью к приспособленчеству. Судьба первоначально мало благоприятствовала ему: одинокое, безрадостное детство, женитьба на нелюбимой женщине ради карьеры и денег, потом развод. Вечное унижение и приспособленчество. Так было до тех пор, пока Приобретатель не подружился с Гончим, и тот внушил ему мысль: «Копи, Паша, деньги и слушай мои советы... Помни, что рубль никогда не подведет. Друзья предадут, родственники от тебя откажутся, но рубль не предаст, а только даст друзей, семью, положение в обществе. Только не копи тысячи, а копи миллионы, не мелочись, не богатей

медленно, рискуй и богате́й быстро. Медленно богате́ют те, у кого какие-нибудь сотни тысяч; а у кого миллионы, у того радиус велик: что ни захватит, так вдвое и втрое против самого начала».

И теперь деньги так и липнут к Приобретателю. Однако он быстро их накапливает, но так же быстро и теряет. При этом, когда теряет, говорит: «Я пострадал за правду», – а когда приобретает, то говорит: «Бог правду любит». Короче, это тот тип людей, которые легко сориентировались во вновь открытом в России периоде первоначального накопления капитала, при этом проявляя чудеса изобретательности и не стесняясь в средствах.

Он не гнушается ходить в дом нашего Врага. Ну, пусть ходит, главное – он живет по нашим заповедям (как сказано в книге нашего Врага, «трудно богатому войти в Царство Небесное»). Да, к тому же, чего ему туда не ходить, ведь обильные пожертвования на храм приносят ему честь и уважение (настоятель всегда выделяет его из общей массы прихожан). А что он никому из бедных не дает ни в долг, ни так – это ведь для него несущественно.

Вот такие дела, мой дорогой дядюшка. С приветом, твой любящий племянник

Баламут-младший, он же Гнусик.

Пятнадцатое письмо дяди племяннику

Дорогой Гнусик!

Прочитав твое последнее письмо, я понял, что не только среди людей, но и среди нашего брата встречаются много двуязычных... Но это так, реплика на злобу дня.

Теперь о деле твоего Гончого и его клиента. При работе с клиентами надо помнить две вещи. Людям свойственно жить двумя параллельными жизнями, в разных кругах они будут казаться разными людьми, в зависимости от того, какой образ наденут на себя наши подопечные. Второй вывод: все смертные склонны становиться теми, кого они из себя строят.

И еще. Слуги Врага вот уже две тысячи лет проповедуют, что мирская суета – одно из сильнейших и простейших искушений. *«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут»*. Казалось бы, что против этого аргумента нам трудно сыграть. Но, к счастью, в последние десятилетия об этом мало говорят. В современной христианской литературе, хоть и много можно найти о «маммоне» (и даже больше, чем нам хотелось

бы), но очень мало предостережений о суете, выборе друзей и ценности времени.

Таким клиентам, как этот Приобретатель, надо внушать мысль, что он особый, он избранный, он удачливый (в этом плане нам очень подойдет протестантская этика, которая гласит: если ты удачлив в жизни, значит, ты угодил Богу).

С твоим Приобретателем этот финт пройдет, но если клиенты более сложные, для них есть способы изящнее и тоньше. Например, с нашей помощью они могут прямо-таки получать удовольствие, думая о том, что у их жизни – две независимые стороны. Этого можно добиться, играя на их тщеславии. Так наши клиенты могут стоять по воскресным дням в храмах на коленях с каким-нибудь простолоудином, думая при этом, что его сосед вряд ли поймет его изысканный и богатый внутренний мир. С другой стороны, они будут наслаждаться непристойностями и богохульствами за чашкой кофе у своих восхитительных знакомых, так как знают о своем «глубоком духовном» мире, которого тем не понять. Ясна тебе суть? Мирские друзья затрагивают одну сторону их жизни, прочие люди – другую, а они – совершенные, гармоничные, сложные люди с более широким кругозором, чем у остальных.

P.S. Через наших вполне надежных друзей, прочных хулителей Врага и рабов всего земного, я организовал поток писем в местное епархиальное управление на нашего пресвитера, который теперь у нас проходит под кличкой Соло-

мон, и еще ряд неугодных нам людей в стане нашего Врага. Ревизор (он же благочинный) взял письма на людей своего благочиния и теперь чешет репу, думает, что ему делать. Ну и пусть думает. Вывод он сделает тот, что нам нужен. Никто из них не станет рисковать своим положением ради других. И мы тогда посмеемся вместе с нашими адептами.

Я хотел было уже поставить точку в своем письме, но вдруг мне пришли в голову мысли о значении смеха для людей. Хочу поделиться ими с тобой, дорогой Гнусик.

Я разделяю причины человеческого смеха на следующие: радость, веселье, насмешливость и развязность.

Радость проявляется, когда друзья или влюбленные снова встретятся после краткой разлуки. Что-то подобное этой радости выражается в таком гнусном искусстве, как музыка, и еще что-то похожее, говорят, бывает в раю, на Небесах, – какое-то бессмысленное и ненужное учащение ритма блаженных эмоций, совершенно непонятное для нас. Такой смех не в нашу пользу, и ему всегда следует противодействовать. Он оскорбителен для достоинства и строгости, которые все время царят в аду.

Веселость близка к радости. Она тоже приносит нам мало пользы. При ее помощи, конечно, иногда можно оторвать людей от чувств и действий, угодных Врагу. Однако веселость сама по себе не содержит ничего хорошего, а плохое может нести, например, она часто сочетается с милосердием, добродушием и другими пороками.

Насмешливость, помогающая внезапно увидеть смешное и нелепое, все же обещает больше. Я отнюдь не имею в виду неприличные или грубые шутки и анекдоты: они чаще всего не приводят к ожидаемым результатам, хотя некоторые искатели возлагают на них большие надежды.

Однако развязный смех лучше всего. Во-первых, он не стоит особых усилий. Только наш человек способен умело пошутить над добродетелью. Любого развязного пошляка можно легко научить высмеивать добродетель. Устойчивая привычка к развязному смеху прекрасно защищает от Врага. Кроме того, она свободна от тех опасностей, которые содержатся в прочих видах смеха. Между развязным смехом и радостью – огромное расстояние. Развязность притупляет, а не проясняет разум и отнюдь не сближает предающихся ей. Развязный смех – это тот смех, которым смеются палачи над своими жертвами, а мы бесы над своей добычей.

С развязным смехом, твой любящий дядя

Баламут-старший.

Пятнадцатое письмо племянника дяди

Дорогой дядя!

Что за странная «война» идет на Украине? То русский хохлу по голове – тук, то хохол по голове русскому – тюк, и все как-то на одном месте. Может, это начало новой Столетней войны? Честно говоря, мне не жалко ни тех, ни других, мне симпатичны мои незабвенные англосаксы. Но что за «Тайна беззакония» такая?

Недавно я принял отчет у моего девятого подшефного беса. Его зовут Борзый, а курирует он клиента по кличке Инженер. Борзый с детства был приставлен к нему. Следил за его воспитанием, становлением личности, спорил с его ангелом-хранителем и родителями и все никак не мог понять, в чем сущность его личности. Наконец, понял, что главная его идея – жертвовать собой ради правды. Эта идея застряла у него где-то между верой во Врага и служением Отечеству. Он окончил строительный факультет, работал на возведении мостов, а потом завербовался через одну фирму и четыре года проработал инженером-строителем в Америке. Оттуда вернулся еще более замкнутым в своей идее, стал жить в одиночестве в своем доме, как в неприступной крепости, храня молчание, переваривая мысли, подбрасываемые ему Бор-

ЗЫМ.

Тот понял, что через мораль к нему нет никакой возможности подобраться, ибо он никогда не делает людям зла, поскольку совершенно не жесток. Вместе с тем Борзый заметил, что Инженер абсолютно безучастен по отношению к самому себе и что его полная «автономность» с неизбежностью ведет к идейному фанатизму. И тот внушил ему идею о богочеловеке. Смысл ее: Бога нет, богом является человек, и для доказательства этого нужно совершить самоубийство.

Инженер написал некий философский трактат на эту тему. Вот, почитай его, дядюшка: «Был на земле один день, и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому: «Будешь сегодня со мною в раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресения. Не оправдалось сказанное. Этот человек был высший на всей земле, составлял то, для чего ей жить. Вся планета, со всем, что на ней, без этого человека – одно сумасшествие. Не было ни прежде, ни после *Ему* такого же, и никогда, даже до чуда. В том и чудо, что не было и не будет такого же никогда. А если так, если законы природы не пожалели и *Этого*, даже чудо свое же не пожалели, а заставили и *Его* жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке. Стало быть, самые законы планеты – ложь и диавола водевиль. Для чего же жить, если ты человек? В чем твое спасение?

А спасение в человеческом своеволии. Церковь учит: са-

моубийство – это страшный грех, ты руку поднял на то, что не принадлежит тебе, руку поднял на Творца. Но ведь если человек застрелится, то, проявив своеволие, сам станет богом. Если Бог есть, то вся воля его, и без воли его я не могу ничего сделать. Если нет, то вся воля моя, и я обязан заявить своеволие...

Я не понимаю, как мог атеист, зная, что нет бога, не убить себя тотчас же? Сознать, что нет бога, и не сознать в тот же час, что сам богом стал, есть нелепость, иначе непременно убьешь себя сам. Должен быть кто-то один, тот, кто первый должен убить себя сам непременно, иначе кто же начнет и докажет? Это я убью себя сам непременно, чтобы начать и доказать. Я еще только бог поневоле, и я несчастен, ибо *обязан заявить своеволие*. Все несчастны потому, что боятся заявлять своеволие. Человек потому и был до сих пор так несчастен и беден, что боялся заявить самый главный пункт своеволия – самоубийство. Многие лишают себя жизни по разным причинам. Но безо всякой причины, а только для своеволия, – один я. Я буду первым. Я обязан неверие заявить. Для меня нет выше идеи, что бога нет. За меня человеческая история. Человек только и делал, что выдумывал бога, чтобы жить, не убивая себя; в этом вся всемирная история до сих пор. Я один во всемирной истории не захотел первый раз выдумывать бога. Пусть узнают раз навсегда...

Однако я ужасно несчастен, ибо ужасно боюсь. Страх есть проклятие человека... Но я заявлю своеволие, я обязан уве-

ровать, что не верую. Я начну, и кончу, и дверь отворю. И спасу. Только это одно спасет всех людей и в следующем же поколении переродит физически, ибо в теперешнем физическом виде, сколько я думал, нельзя быть человеку без прежнего бога никак. Я три года искал атрибут божества моего и нашел: атрибут божества моего – Своеволие! Это всё, чем я могу в главном пункте показать непокорность и новую страшную свободу мою. Ибо она очень страшна. Я убиваю себя, чтобы показать непокорность и новую страшную свободу мою...».

А? Какова теория, дядюшка? А если ему внушить мысль, что зря себя убивать, не послужив этим на пользу Отечеству? Обругай в предсмертной записке верующее в нашего Врага общество и возьми на себя какое-нибудь преступление. Ух, какие перспективы открываются, дорогой дядюшка, аж дух захватывает!

P.S. Мое письмо к тебе, дорогой дядюшка, прервал вызов на дисциплинарный ковер к сотнику Волчье ухо. Он периодически проводит «профилактику оздоровления». Волчье ухо говорит, что бесов, как и людишек, надо «почаще перебирать». Он за свои века утилизировал многих подчиненных. На сей раз причинной вызова послужила ябеда Борзого на моего же беса по кличке Токсичный (это мой последний подчиненный, с которым я еще не познакомился). В ябеде на имя сотника он обвинял Токсичного в нерадении, потворстве своему клиенту, даже в сочувствии врагам отца наше-

го. Волчье ухо кричал на него, что тот не по чину берет на себя – это десятников дело подавать ябеды на подчиненных. Тот в оправдание говорил, что я медленно вхожу в дела своей десятки, поэтому он хотел ускорить процедуру. Вроде на этом дело и замялось. Волчье ухо при этом предупредил меня, что Борзый был уже когда-то десятником, но его понизили, и теперь он только и мечтает, как бы кого подсадить и занять его место. А меня он поторопил с принятием дел в своей десятке.

В связи с этим у меня, дядюшка, возник вопрос: какие тонкости по существу имеются в демонской иерархии?

С приветом, твой любящий племянник

Баламут-младший, он же Гнусик.

Шестнадцатое письмо дяди племяннику

Мой, дорогой Гнусик, отвечаю на твое последнее письмо.

Во-первых, не нам судить о планах низшего командования, к тому же и у нашего Врага есть свои планы на эту войну. Вот, например, этот таинственный «военный мятеж». Кто мог подумать, что кто-то в этой стране еще может перечить высшему начальству?

Во-вторых, ты, видно, плохо знаешь Демонологию. Отвечаю тебе по существу. Все командование делится на три категории: высшее, среднее и низшее. Высшее командование – десятники и сотники. В их обязанность входит искушать своих клиентов и следить друг за другом, подавая ябеды непосредственному начальству. Причем сотники по общественной нагрузке являются агентами тайной полиции. Среднее начальство – это центурионы, легаты, помощники министров и комиссары тайной полиции. Я, как ты знаешь, легат (командир легиона) по должности и помощник министра по табелю о рангах, что соответствует антистратигу III ранга. У каждого из нас своя задача во вверенных подразделениях, кроме того, по желанию мы можем взять на искушение кого-нибудь из людей. Низшее командование – это министры и князья мира. А под всеми нами – наш отец, кото-

рого люди называют Дьяволом, или Сатаной. Командирами могут быть только (по крайней мере, пока) природные бесы. Все бесы также делятся на «духов злобы поднебесной», что работают с людьми, и на преисподних, что трудятся в аду.

Тебе известно, что у нашего Врага есть мечта – восполнить число падших ангелов за счет святых людей из рая. А это ни много ни мало одна треть ангелов. Но нашего отца недаром называют «обезьяной Врага»: что делает Он, то же делает наш отец, только ровно наоборот. Так вот, с некоторого момента существует приказ – вербовать новых бесов из грешников (это и логично с ростом человечества). Их называют оборотнями. Кто оборотень, знает только тайная полиция, наверняка таковые есть и в твоей десятке. Я считаю, это правильно, ибо глупо и несправедливо (кстати, борьба за справедливость была одной из причин нашего восстания на Небе) оставлять даже грешников без перспективы. Так что надпись на вратах ада: «Оставь надежду всяк сюда входящий» – устарела и существует лишь для устрашения грешников.

И еще об одном я бы хотел рассказать тебе, мой дорогой племянник. Как известно, наша главная задачи – извратить Его природу в человеке. Но есть и параллельные задачи, например, бороться с общественными институтами нашего Врага, каковых существует ровно три: семья, народ, труд.

Еще в древнем мире мы противопоставили труду частную собственность, в средневековье – народному управлению го-

сударство, а сейчас активно работаем над уничтожением семьи, в чем мы очень преуспели через ювенальную полицию и различные ЛГБТ сообщества (лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров).

Это тебя мой, дорогой Гнусик, ликбез от меня.

В моем письме есть и новости. Недавно нашего благочинного Ревизора вызвал к себе на ковер местный владыка. Я, Гнида (это бес Ревизора) и Пучеглазый были рядом и от души посмеялись развязным смехом, слыша их разговор.

– Что же это ты, отец Павел, развел такой бардак во введенном тебе благочинии? – начал разговор владыка.

– Виноват. Исправлюсь, ваше преосвященство. Я уже издал приказ увеличить поборы... простите, пожертвования с храмов. В текущем квартале сдадим на епархиальные нужды несколько миллиончиков.

– Это само собой разумеется, но я не об этом. Жалобы поступают на твоих отцов. Не радеют в пасторском служении некоторые. Вот у меня копии этих посланий. Ты ознакомился? Сделал надлежащие оргвыводы?

– Сделал, ваше преосвященство.

– Какие же ты сделал выводы? Как думаешь поступить с нерадивыми попами?

– Хоть у меня и будет теперь нехватка священников, но ради церковной экономии и благополучия общего дела готов отдать четверых в сельские приходы.

– И кого конкретно?

– Отца Евгения, отца Виктора, отца Ярослава и отца Петра.

– Не жалко расставаться? – с усмешкой спросил владыка, пристально глядя на Ревизора. Такую же усмешку я заметил и у Пучеглазого.

– Жалко, но ради общего дела и экономии...

– Это хорошо, вот только оргвыводы сделал неправильные. Ты разве не читал последний циркуляр патриархии?

– Какой циркуляр?

– Такой! Решительно выводить за штат священников, злоупотребляющих своим положением, особенно неуважительно относящихся к святым таинствам. Вот у меня на твоего отца Петра целая кипа жалоб. Прихожане пишут: «Придирается на исповеди, несколько раз без уважительных причин не допускал к причастию, заглядывается на молодых прихожанок...». Нет, последнее не про него. Но, я думаю, и этого достаточно. Вот из-за таких попов и теряем прихожан. Ты как думаешь, отец Павел?

– Не знаю, владыка. Может быть, вы сами подскажите?..

– Что ж, подскажу. Значит, так. Отца Петра – за штат. Отца Виктора отдадим в наш городской монастырь, а отцов Евгения и Ярослава – в село, на лоно природы, здоровье укреплять. Согласен?

– Согласен, ваше преосвященство!

– Ну, жди приказа и отчисления в епархиальное управление не задерживай.

Забавно, мой дорогой Гнусик, не правда ли? Допрыгался наш Соломон. Пусть теперь посидит дома, подумает над своим поведением. Ха-ха-ха!

Твой любящий дядя

Баламут-старший.

Шестнадцатое письмо племянника дяди

Дорогой дядя!

Рад твоей победе над этим пресвитером. Как говорить, не мытьем, так катаньем. Наконец-то я развязался с ознакомительными делами своей десятки. Принял отчет у последнего беса, на которого жаловался сотнику Борзый. Я уже упоминал, что его зовут Токсичный, а его клиента – Фонарщик.

Странное дело, дядя: я знаю «жития» людей, подчиненных мне и моим бесам, а вот досье на моих подчиненных «духов злобы поднебесной» для меня окутано грифом секретности. Я не знаю ни их деяний, ни особенностей, кроме прозвищ и личного наблюдения. Но кто такой Токсичный? Я догадался, что его кличка отчасти связана с особым «ароматом», источаемым его бесплотным телом, но и только. Может, он оборотень? Жаль, что досье на нас доступно только среднему и низшему командованию, равно как и архивы на бывших людей.

Поэтому, дядя, обращаю твой взор на этого Фонарщика. Вот послушай, дядюшка, «Сказку о советском человеке» от Токсичного: «Жил – был обычный советский человек: в школу ходил, потом в институт, в армии служил, женил-

ся, добросовестно ходил на работу, верил в светлое будущее, которое все тогда называли коммунизмом, был человеком, как говорится, без вредных привычек. Но вот однажды (время такое пришло) взял Фонарщик в руки книгу Врага и прочитал: *«Рече безумец в сердце своем: «нести Бога»*. И как бы спала пелена с глаз его, он стал ходить в Его дом, соблюдать Его посты и обряды. И поняли «духи злобы поднебесной», что обратно его не обратить, нельзя перечитать книгу жизни назад. Что же делать? А как обычно – извратить начатое. И стал Токсичный делать из него крайнего. Фанатика стал из него делать. Все, что не вмещается в его религиозное сознание, все отвергать. Интернет, телефон – от Дьявола, долой их из дома, заодно телевизор и радио. Родные и близкие мешают мне молиться – долой их из моей жизни. «Я стремлюсь к совершенству, я новый свет миру, я православный на всю голову», – вот какие мысли стали внушать ему «духи злобы поднебесной». И что же? А все как по Его писанию: *«Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя, и, не находя, говорит: «Возвращусь в дом мой, откуда вышел», – и, придя, находит его выметенным и убранным; тогда идет и берет с собой семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там, – и бывает для человека того последнее хуже первого»*. Но сильны слуги Врага нашего. Не дали они войти в него ни духу гордости, ни духу сребролюбия, ни... все пока ограничилось периодическим обращением к «вредным привычкам». Но битва еще не проигра-

на...».

Вот такая сказочка, дорогой дядя, от Токсичного. Из всего написанного я делаю два вывода: во-первых, Токсичный не такой уж глупый, он опытный искуситель, во-вторых, мы, бесы, любим крайности, средний путь не наш метод.

Напиши, дядя, что ты думаешь по этому поводу.

С приветом, твой любящий племянник

Баламут-младший, он же Гнусик.

Заключение

На этом кончается переписка баламутов (дяди и племянника). Больше я ничего не обнаружил, роюсь в сундуках своей памяти. Мы вынуждены расстаться с нашими героями (лучше вообще с ними не встречаться, но куда от них денешься!).

Однако думаю, что их переписка не закончена. Продолжение, несомненно, последует. Причем автор сам не знает, какие темы будут затронуты в новых посланиях баламутов, поэтому хочет, чтобы читатели подсказали ему направление мыслей или запретили бы касаться столь опасной темы.

На вопрос, верит ли он в существование бесов, Клайв Льюис отвечал: «Верю. Иначе говоря, я верю в ангелов и верю, что некоторые из них, злоупотребив свободной волей, стали врагами Богу, а там и людям... Я верил бы в Бога, даже если бы оказалось, что никаких бесов нет. Пока же ничего такого не доказали и вряд ли докажут, я думаю, что они есть. Мне кажется, так легче понять и объяснить много разных вещей – это согласуется с явным смыслом Писания, и с Преданием, и с мнением почти всех людей, почти во все времена; и не противоречит ничему, что доказали науки».

Я же хочу закончить словами из Священного Писания: *«Ибо всем нам должно явиться пред судилище Христово, чтобы каждому получить соответственно тому, что он*

делал, живя в теле, – доброе или худое» (2 Кор. 5; 10).